

Роман

Ах! Женщины! Женщины!!!

Татьяна Брицун

Татьяна Брицун

Ах! Женщины! Женщины!!! Роман

«Издательские решения»

Брицун Т.

Ах! Женщины! Женщины!!! Роман / Т. Брицун — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-964458-9

Татьяна Брицун писатель и поэт, её роман «Ловушка для самовлюблённых Ослов» уже полюбили читатели. В романе «Ах! Женщины! Женщины!!!» переплетаются судьбы многих женщин, разных — тихих и страстных, отчаянных и боязливых, любящих, как в последний раз, и очень осторожных, ищущих идеального мужчину, и согласных на любого, лишь бы человек был рядом. Автор приглашает вас окунуться в это захватывающее повествование, которое подарит вам весь спектр человеческих чувств.

ISBN 978-5-44-964458-9

© Брицун Т.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	17
Глава четвёртая	22
Глава пятая	26
Глава шестая	32
Глава седьмая	36
Глава восьмая	40
Глава девятая	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Ах! Женщины! Женщины!!!

Роман

Татьяна Брицун

Все права принадлежат автору Татьяне Ивановне Брицун. Bricunt@mail.ru

Корректор Алексей Леснянский
Фото обложки Алексей Брицун

© Татьяна Брицун, 2019

ISBN 978-5-4496-4458-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*У порога стою и смотрю в небеса.
Там, на том берегу, не сверкает гроза.
Не живёт там обман, не живёт там порок.
А живёт там любовь, и никто не жесток.*

*Там, на том берегу, золотистый рассвет.
Бирюзовые горы, и горя там нет.
Там улыбка и смех прописались навек.
Только ангелы там, а людей совсем нет.*

Глава первая

Инночка смотрела в окно быстро летевшего поезда, колеса успокаивающе стучали: «Не плачь, не плачь, не плачь». Но слёзы лились потоком, очищая душу и сердце. Она понимала, что так круто повернула свою жизнь, что вряд ли теперь с этим справится, но надеяться ей было не на кого, только на себя.

Как она сейчас понимала героиню стихотворения, прочитанного давно, которое ей перевернуло душу до слёз. Тогда она ещё подумала: «Не дай Бог такого зверя иметь в своём доме, тьфу-тьфу-тьфу...» Не помогло, жизнь распорядилась по-другому, а может, мы предчувствуем, что должно произойти в нашей жизни, кто его знает, и тем не менее она помнила это стихотворение наизусть до сих пор.

О, как продрогла, как помята.
И в мире этом сто потерь.
Идти домой не так приятно,
Когда живёт там лютый зверь.

Он душит, давит, обижает.
И оскорбляет ни за что.
И руки часто распускает.
И деньги требует на всё.

А я живая, просто жертва.
И не уйти мне никуда.
На свете нет приюта чести.
А только мокнут провода.

Зовут они своею песней.
На шею только намотать.
Но я боюсь Господней мести.
И в ад боюсь потом попасть.

Самоубийство – это страшно!
Мотайся с неба до земли.
Не отпоют тебя, нет, в храме.
Зарюют просто, без мольбы.

И как мне жить, скажите, люди?
Я под дождём мокра, как дождь.
Стою я здесь на перепутье.
Никто не может мне помочь...

Стекают струи, я промокла.
Дрожу от холода одна!
О, если б знали, как рыдает
Моя несчастная душа...

Двое маленьких детей (пяти и трёх лет) спали на верхней полке общего вагона, а она спать не могла, так как боялась, что они упадут, и охраняла их сон как всякая мать.

Ну надо же, ещё вчера всё было более-менее в её жизни: свой дом, доставшийся от родителей, которые уехали на север к сестре в гости да так там и остались. Отец сказал: «Лучше помру на севере, сохранюсь хорошо до всеобщего воскрешения. Хоронить меня только здесь, слышали? На Украину не везите, прокляну!»

Инна усмехнулась про себя: «Старый что малый».

Вспоминала события вчерашнего дня.

Вроде всё было более-менее хорошо: и любовь, и свадьба, и детки пошли, но потом – как в сериале: предприятие мужа закрылось, и он остался без работы, высшего образования у него не было, был он токарем на заводе, а теперь промышлял разными заработками, как говорится, что Бог пошлёт. Часто денег было очень мало, а другой раз хорошо, но вот парадокс: чем меньше он зарабатывал, тем больше пил. На водку деньги всегда находились, и агрессия росла в геометрической прогрессии, чем меньше, тем больше злости и поиск виноватых. А кто больше всех виноватый? Конечно, жена. И вот радостная и спокойная жизнь закончилась навсегда, и как будто тёмная пелена повисла в доме, это было ожидание страха, побоев. Никто не знал, какой папа придёт домой, и дети вели себя по-другому: побегут, разыграются и вдруг испуганно застынут, если где-то раздастся какой-нибудь стук, вдруг папа опять пьяный пришёл домой?! Так вот и жили, если это можно было назвать житьем.

В этот раз муж приполз такой разъярённый, что она сразу увела детей на второй этаж и уложила их спать не раздевая, оттуда можно было спуститься в сад, если что, а сама пошла на заклание, надеясь уложить дебошира спать. Но не тут-то было, началась бойня с киданием тарелок и прочего, но, как Инна ни пряталась и ни уговаривала, дошло до ног, и, когда она получила очередной удар в живот, она поняла, что, если она не убежит, убьёт, и, схватив тяжёлую табуретку, запустила в мужа. Попала ему по голове, и он рухнул как подкошенный, захрипел, повернулся на другой бок и захрапел, как бульдозер, спокойно и ровно, как будто дали снотворного.

Инна перекрестилась, быстро вскочила, умыла кое-как окровавленное лицо, схватила сумочку, в которой хранила документы, деньги и свои нехитрые украшения, быстро оделась, разбудила ничего не понимающих детей, быстро их одела и на попытки спросить, куда они, ведь уже темно, только приговаривала:

– Тише, тише. Ну, кажется, всё, – и, схватив чемодан, быстро выскочила из дома.

На счастье, навстречу ехало такси, она подняла руку и, бросив: «На вокзал!», – быстро уселась на заднее сидение рядом с детьми, и машина поехала вперёд, увозя их навсегда из родного дома. На радость или на горе – одному Господу известно и то, наверное, не всегда.

Вокзал окутал их запахом дороги и рельс, без конца что-то объявлял диктор, Инна усадила детей напротив касс, а сама пошла за билетами. Подошла её очередь, и уставшая кассирша равнодушно спросила сонным голосом:

– Куда вам, женщина?

Инна спросила, какой поезд сейчас самый первый будет, на тот дайте три билета, – и протянула документы и деньги.

Кассир подняла удивлённые глаза, но, увидев подтеки на щеках, всё поняла и сочувственно проговорила скороговоркой:

– На Питер есть, будет через пятнадцать минут, только вагон общий.

– Давайте, дайте! – радостно закивала головой Инна, страх ещё раз увидеть разъярённого мужа, казалось, лишил её разума.

Поезд со свистом подъехал к перрону, Инна посадила детей, поставила чемодан и залезла по ступенькам в вагон.

– Вперёд проходите, вперёд, там есть места, – прокричала вслед проводница, тоже обратившая внимание на лицо Инны. Они дошли почти до конца, там была свободная верхняя полка и одно место внизу. Все спали сидя, и только у окна сидела и смотрела в окно очень приятная женщина лет семидесяти, про таких «старушка» не говорят, они всегда подтянуты, с прямой спиной, волосы аккуратно уложены мягкой волной, губы чуть подкрашены, про таких говорят – «из бывших».

Она приветливо улыбнулась и протянула Инне платок, показывая, где вытереть следы крови. Инна молча поблагодарила, кивнув головой, достала зеркальце и привела себя в порядок.

– Татьяна Афанасьевна, – представилась дама.

Инна тоже представилась, и обе почти хором сказали:

– Очень приятно! – и улыбнулись: одна – легко и радостно, другая – криво и настороженно.

Поезд остановился на каком-то переезде, за окном было темно, в вагоне царил полумрак и стояла сонная тишина. Кто едет в общем вагоне? Люди не очень удачливые в жизни, которые крутятся как белки в колесе день и ночь и которым никак не вырваться из этого колеса, видно, планида такая. Или же перед нами одинокие пенсионеры: сил уже работать нет, а дети не помогают, или сами как белки в колесе крутятся и живут той же жизнью.

– Вы до Петербурга едете? – спросила Татьяна Афанасьевна Инну. – Или раньше выходите?

– Да, мы в Ленинград, – ответила Инна, подумав при этом: – «Ну сейчас начнёт всё выпрашивать. Что да откуда? Что за люди? Не могут не приставать», – и прикрыла глаза, изобразив, что дремлет.

Татьяна поняла, что женщина не намерена вести беседу, и молча стала смотреть в окно, где в черноте ночи мелькали огни фонарей, силуэты столбов, а колеса пели свою вечную песню: «Еду, еду, еду, еду-у-у...»

За окном почти ничего не было видно, но ей и не нужно было видеть, она вспоминала всё чаще и чаще свою жизнь, как бы переосмысливая её.

Сначала ей казалось, что она прожила её нелепо, растратив попусту золотое время, подаренное ей Господом, и очень расстроилась, что не добилась славы и прочих почестей, удачливой жизни других людей, оставшихся в памяти народа. Но потом, поразмыслив так и сяк, пришла к выводу, что ей очень повезло в жизни, как никому другому повезло, и решила, что жизнь её была прекрасной со всеми горестями, бедами, удачами и неудачами, счастьем и несчастьем, она любила много раз, её любили и даже боготворили. Сыночка родила и вышла в блокаду. Остались живы она, её мамочка и сыночек Юрочка, хотя папа умер от голода, но это, видимо, была расплата за них – оставшихся в живых. Татьяна винила себя в смерти отца, если бы она не вернулась с ребёнком из эвакуации в Ленинград, так как ей было тяжело без мамочки и папочки жить в разлуке. Но разве она могла себе представить, что в Ленинграде будет блокада и папа умрёт от голода?

Они уехали с мужем в эвакуацию, муж был директором завода, передислоцированного под Новосибирск. Они уговаривали родителей Татьяны поехать с ними, но отец наотрез отказался, ну а мама, конечно, была при нём.

Татьяна с мужем жили хорошо в большой квартире, всё у них было нормально и с питанием, и с одеждой, и с деньгами, Юрочке было полгода, но Татьяна привыкла жить с мамой, которая не разрешала делать что-либо по хозяйству своей доченьке. Она растила Танечку как принцессу, чай, дворянка, нечего ей ручки пачкать, это мамина планида такая – быть при доченьке.

Ну вот Татьяна и растерялась, не зная, что и как нужно делать, готовить она тоже не умела, муж не мог ей помогать, так как сутками был на работе, а нанять чужого чело-

века она боялась, помнила аресты соседей до войны из-за слишком любопытной прислуги и поэтому решила вернуться в Петербург, по-другому она свой город не называла, дома говорили только так.

Муж устроил ей целый скандал: «Подумай, куда ты возвращаешься? В войну. Подумай о ребёнке, если ты уедешь, назад не возвращайся никогда!» – завершил он свою речь и уехал на работу. Но Татьяну будто кто-то лишил разума, и она как-то отстранилась от войны, как будто это её не касалось. Она так хотела к своим родителям, которые её нежно любили, она привыкла жить без забот, в доме она не делала ничего за свою двадцатипятилетнюю жизнь, она даже свою постель ни разу не застелила. Перины взбивала только мама, а Танечка только спала на них, её мамочка всегда была дома рядом, и дочь была смыслом её жизни.

Когда Танюша закончила школу и поступила в мединститут, родители были очень рады и гордились ею, но в конце первого курса началась практика, студенты должны были дежурить в педиатрической больнице, помогать ухаживать за очень больными брошенными детьми, которые лежали в боксах с разными, очень страшными заболеваниями. Вот этого Таня выдерживать не могла, от жалости слезы застилали ей глаза, её тошнило, она даже боялась смотреть на больных детей и говорила всем знакомым и незнакомым, как бы оправдывая себя, что у неё очень нежное сердце и она не может смотреть на безнадежно больных детей, потому что жалость заполняет её всю и она сама может заболеть и умереть от этого. При этом она театрально закатывала глаза, держась рукой за сердце, люди, конечно, реагировали по-разному: одни сочувственно кивали головой и даже гладили Таню по плечу в знак сострадания, а другие, прикрыв ресницами насмешливый взгляд, бурчали про себя: «Артистка Большого театра, просто, кроме себя, никого не любит и всё».

Мамочка восхищалась своей дочкой и очень ей сочувствовала, рассказывая соседкам, какая у её Танюши сострадательная душа, и говорила:

– Доченька, а ты не ходи на практику, давай больничный возьмём, Мария Степановна даст, я попрошу.

Танюша горестно вздыхала и согласно кивала головой, закатывая глазки, и пропускала практику, а потом и занятия (лучше погулять с подругами, сходить в кино, на танцы), и не заметила, как пропустила целый семестр и её отчислили из института.

Нужно сказать, она совсем не расстроилась:

– Подумаешь, детский врач: сиди на приёме, лечи сопливых детей, и самой заразиться можно, бр-р-р, нет, я рождена для радости, жизнь даётся один раз, и нужно её прожить весело, без забот и печали, – говорила она и весело скакала по разным танцуйкам, а на остальных ей было совсем наплевать, всё для себя любимой!

Отец, конечно, очень расстроился и даже начал ругать дочь первый раз в жизни, но тут, как подводная лодка, между ними всплыла мама с криками:

– Хватит, хватит на дитя кричать, на что ей этот институт, чужие сопли подтирать? Она у нас красавица, умница, замуж выйдет за доброго человека, детки пойдут, когда ей работать, Афанасий, ты хоть подумай!?

И отец, махнув рукой, сказал:

– А-а-а! Делайте что хотите, бабье царство, в нашем роду все учились, а тут... – и ушёл в свою комнату.

Мама вслед ему проворчала:

– И она выучится, какие её годы, только нужно, чтобы по душе всё было.

На том и порешили.

Но так сложилось, что потом Таня уехала отдохнуть с подругами на Чёрное море, там за ней на пляже стал ухаживать Вадим, солидный инженер, и в конце концов, поддавшись прелестному шарму Танюши, не удержался и сделал ей предложение руки и сердца. Она позвонила маме, а мама сказала:

– Танюша, если хороший человек, солидный, выходи замуж, а про любовь не волнуйся, потом придёт, вот увидишь, когда детки пойдут, и любовь с ними придёт.

Сама-то мама выходила замуж по страстной любви, она очень рисковала, выходя замуж за графа из бывших, но махнула на всё рукой, лишь оставив после замужества свою девичью фамилию, как говорится, от греха подальше, и никогда никому не говорила, что у нее муж граф, а некоторым людям, имеющим слишком длинный нос и любопытство, резко отвечала на провокационные вопросы:

– Да в глаза ваши плюнуть бесстыжие, ну надо такое придумать – граф. Из мещан мой супруг, понятно? И рот свой закройте, пока не поздно, а то я сама на вас куда следует напишу.

И люди вдруг очень пугались и оставляли свои мысли и знание при себе. А дочке она так посоветовала, исходя из жизненного опыта: многие её подруги выходили замуж, не дождавшись любви, и им казалось, что это совсем неподходящий человек, но возраст или иные обстоятельства делали своё дело, и они выходили за нелюбимых мужчин, но со временем почти все вдруг понимали, что тот, кто казался совсем ненужным, вдруг становился самым нужным и дорогим человеком на свете.

За окном мелькали редкие фонари, восьмимесячный сыночек спал, а Татьяна смотрела в окно и вспоминала свою недолгую жизнь и думала, что любовь так и не пришла с рождением сына, может, потом ещё родит, и она придёт, но рожать ей больше не хотелось, уж слишком это всё муторно и столько боли, бр-р-р. Да и потом, когда же для себя жить, так и составишься за этими пеленками, нет, она больше рожать не будет, а полюбить можно и другого и встречаться с ним тайно, это так романтично, думала Татьяна. Вспоминая любовные сцены из недавно прочитанной книги Мопассана «Милый друг», вздохнула: вот это жизнь, вот это любовь, пусть порочная и тайная, но как хочется иногда пройти по лезвию бритвы и узнать настоящую безумную страсть, а тут дети, вечно недовольный муж и никакого милого друга, ах-х-х.

Да, решила она, рожать больше не хочу, не хочу портить фигуру, загадочно улыбнулась своему отражению в тёмном окне, сказала сама себе:

– С моей красотой и умом я никогда не пропаду, – и, подмигнув, послала сама себе воздушный поцелуй.

Колёса стучали: «Чух-чух-чух», и Танюша, поправив одеяло Юрочке, задремала, положив голову на руки, и не заметила, как крепко заснула. Что ещё нужно женщине для счастья!? Похвалить саму себя, помечтать, послать себе воздушный поцелуй и сказать, что всё будет хорошо!

Проснулась Татьяна внезапно оттого, что поезд резко затормозил, в воздухе повис страх, без остановки выли паровозный гудок, какие-то люди бегали в темноте вдоль поезда и кричали:

– Все на выход! Бомбёжка, все на выход!

Гарь и вонь заполнили лёгкие, Таня растерялась, она не могла понять, что происходит, и зачем, и куда нужно было бежать, никогда она ещё не видела бомбёжек, а тут вдруг, услышав вой летящих самолетов, она поняла, что если сию секунду не выскочит из вагона, то всё – жизнь закончена.

Вагон уже был почти пуст, двое стариков, поддерживая друг друга, медленно продвигались к выходу, у старика была одна нога и костыль, он не мог идти быстро, Татьяна молниеносно схватила сына и, побежав вперёд с криком: «Пропустите!» – оттолкнула старика и, не обращая внимания на проклятия, что вслед ей посылали старушка, выскочила из вагона, откатившись вниз, упав на землю. Вскочила снова на ноги и, как загнанная лань, в сплошном дыму помчалась куда-то, не разбирая дороги. В это время прогремел очередной взрыв, бомба попала в её вагон, и он разлетелся на куски вместе с людьми, которые не успели его покинуть, угрызений совести у неё не было. Она спасала ребёнка и всё!

Когда бомбёжка закончилось, от поезда остались одни головешки, всё было разбросано вдоль дороги, как привидения, тут и там искорёженные рельсы торчали из земли, чёрное небо, казалось, повисло над головой. Татьяна с ребёнком на руках и ридикюлем с документами и своими сокровищами сидела на сломанной берёзе вся грязная, но самое удивительное, что Юрочка спал, его как будто кто-то отключил специально от этого кошмара, и Татьяна тоже казалась спокойной, так как боялась проявлять свои эмоции, чтобы не разбудить ребёнка.

Зрелище было ужасное: кругом обезображенные трупы гражданских и военных людей, санитары бегом собирали раненых. На трупы никто не обращал внимания, казалось, полная неразбериха вокруг, но, если приглядеться внимательней, все люди, оказывающие помощь, работали удивительно слаженно и чётко, как муравьи у своего муравейника.

Вдруг Татьяна услышала чей-то детский плач, приглядевшись, она увидела в темноте девочку лет пяти, которая шла спотыкаясь вдоль всего этого кошмара, она тащила волоком по земле дорожную сумку почти с неё ростом, останавливаясь на каждом шагу, размазывала слёзы по щекам и опять шла вперёд, даже не глядя куда, всё время повторяя:

– Мама, мама, мама-а-а...

Таня подошла к ней, сказав:

– Остановись, детка, иди ко мне, садись, сейчас за нами придут, сиди и не бойся, твоя мама сейчас придёт, вот увидишь, подожди.

Девочка посмотрела на неё с надеждой и сказала:

– Я пить хочу!

– Пить? – переспросила Татьяна. – Потерпи, детка, у меня нет воды, сейчас кто-нибудь к нам подойдёт, иди сядь поближе, давай вместе потерпим, я тоже пить хочу.

Девочка, успокоенная Татьяной, глубоко вздохнула, села, прижавшись к ней сбоку и закрыв глазки, тут же уснула. Через час к ним подошли люди и увели в ближайший дом, где и напоили, накормили, чем смогли, и уложили спать. И только через два дня им удалось уехать в Петербург. Девочку забрала какая-то женщина, сказав, что её мать погибла, но она знает, где живёт её тётка, и сама её отвезёт к ней. «Ну и слава Богу, – подумала Таня, – что есть родня». Ей было очень жалко ребёнка, но оставить её себе она не могла.

Мама встретила её с огромной радостью и причитаниями, они стояли, обнявшись, минут десять, поглощая энергию друг друга, так как ближе матери и дочери на свете никого нет. Папа тоже был рад, что дочь с внуком вернулись, а то их дом так опустел, когда они уехали, что ему казалось, стены звенят пустотой.

Ну и всё было бы хорошо, если бы не война, пока немцы были далеко от Ленинграда, с питанием было всё нормально.

Всё пошло своим чередом, отец уходил утром на работу, а мама с дочкой занимались своими делами.

29 июня 2017 года

Глава вторая

Татьяна Афанасьевна вдруг как очнулась, посмотрела вокруг и с сожалением отметила, что она едет в поезде одна, нет ни мамочки, ни отца, царство им небесное.

Отец умер в блокаду, так как свой паёк отдавал маленькому, а им говорил, что на работе ест. Мамочка прожила долгую жизнь, умерла, когда её дитятке было под семьдесят, эту потерю Татьяна до сих пор пережить не могла и вспоминала свою мамочку каждую секунду, так как она всё время присутствовала в её жизни, особенно когда Татьяна сама уже стала немолода, они были как две неразлучные подруги, и от этих воспоминаний ей было очень тяжело.

Сын давно уже живёт своей жизнью с женой Галиной, которая старше его на двадцать лет, и поэтому внуков у неё нет и не будет, так сложилось, и она понимала почему, потому что Юра вырос в гиперопеке двух женщин и не смог жить с первой молодой женой, потому что она требовала внимания и заботы, но он не знал, что такое заботиться о женщине, так как всю жизнь женщины заботились о нём.

Первый брак его очень быстро распался, жена обозвала его тюфяком и ушла к другому. Он сразу перешёл на другую работу, чтобы больше никогда с ней не встречаться, где его тут же взяла в оборот Галина Николаевна, завлаб, она очень молодожаво выглядела, Юрий видел, что она постарше немного, но это его даже устраивало, так как терпеть не мог сцен типа «ты меня любишь или не любишь?», сюсюканий и тому подобного, что требовали молоденькие капризные женщины. А Галина растворилась в нём и буквально стала жить его интересами, что ему очень нравилось, потому что в душе он был маленький мальчик, ему всегда хотелось внимания, прижаться к своей женщине и пожаловаться на весь мир, который не ценит его гениальность. Они уже жили вместе, как по отделу поползли слухи, и, конечно, молодая сотрудница, которая сразу положила глаз на Юрия, когда узнала об их связи, поспешила открыть ему глаза и спросила напрямую:

– Юрий, правда, что вы ухаживаете за Галиной?

Тот смутился от этой бесцеремонной фразы, так как за ним всегда ухаживали, и лишь слегка кивнул головой: так непонятно, то ли да, то ли нет, то ли просто попрощался и пошёл в свой кабинет. Девушка опешила, как ей показалось, от такого хамства и крикнула ему вслед:

– Да она же старуха, на двадцать лет тебя старше!

Юрий застыл, не поворачиваясь, от этой новости на месте, чуть постоял и пошёл дальше. Оставив девушку в полной растерянности, тем более что от её внезапного крика все повернули головы и смотрели на них удивлённо.

И она вдруг поняла, что теперь она может потерять свою хорошо оплачиваемую работу и быстро, почти бегом, побежала в свой кабинет, утирая на ходу брызнувшие слёзы.

Юрий зашёл в кабинет Галины и спросил напрямую:

– Галя, это правда, что ты старше меня на двадцать лет?!

Галина встала, немного растерявшись от неожиданности вопроса, секунду подумала и сказала:

– А какое это имеет значение, если двум людям хорошо вместе?

Юрий опешил от этого разумного ответа, расставляющего всё по местам, и, вздохнув, быстро вышел из кабинета. После работы он сел в свой автомобиль и уехал к себе домой один.

Татьяна Афанасьевна очень обрадовалась сыну и быстро стала вместе с мамой хлопотать по хозяйству, Юра казался расстроенным, но они никогда ни о чём не спрашивали, пока человек сам не заговорит.

Юрий сидел молча, ковыряясь в тарелке, наконец он поднял глаза и сказал женщинам:

– Вы представляете, оказывается, Галина обманывала меня, я думал, что она меня старше лет на шесть, а она старше на двадцать, почти твоя ровесница мама.

– А ты разве не знал этого или она тебе по-другому сказала?

– Да как-то мы на эту тему не говорили, – ответил Юрий.

– Ну тогда как же она тебя обманывала? Ты не спрашивал, она и не говорила, – промолвила тихо Татьяна Афанасьевна, у неё по жизни тоже были молодые любовники, так как замуж она больше не вышла.

Только на её пути появлялся хороший человек, мамочка сразу отговаривала:

– Танюша, зачем тебе этот мужик? Встречайся сколько хочешь, а замуж выйдешь, поедешь к нему, а им же нужно домработницу бесплатную, да ещё и деньги у тебя отбирать станут, вон как у Люси с двадцатой квартиры: жила себе женщина припеваючи, сына вырастила, уехал, женился, внуки есть, что ещё было нужно, встречайся себе, зачем же именно в таком возрасте замуж? Вот теперь как рабыня живет, плачет, а выгнать не может, прописала.

Ребёнок у тебя есть, а больше мужик ни для чего нам и не нужен!

Есть такие мамы, которым взрослый ребёнок заменяет мужа. Не в прямом, конечно, смысле, а вот такая семья: мама, дочь или сын, а ещё, может быть, собака или кот, дети ходят на работу, приносят зарплату, а мама следит за всем остальным, и всё вроде хорошо, жизнь идёт потихоньку – ну и славненько. Только мамы не понимают, что они заедают жизнь своих детей, в основном их сыновья или дочери остаются одинокими, и, когда их мамы умирают, они остаются одни, пустота звенит в их квартирах, а возраст уже такой, что почти невозможно встретить свою половинку (да и вроде бы уже и ни к чему).

Танюша опять вздыхала и слушала маму, боясь лишиться своей комфортной жизни.

Правда, один раз, когда мамы уже не было в живых, сделала такую глупость: вышла замуж. Ей было шестьдесят восемь, ему семьдесят пять, генерал в отставке.

Он недолго к ней приглядывался, жена у него умерла два года назад, и он искал себе хозяйку в первую очередь, так как устал сам следить за бытом, да и не приучен был к этому. Татьяна Афанасьевна, несмотря на свой возраст, была женщина с шармом, кокетлива, всегда ухожена и, главное, очень интеллигентна и образованна, всё-таки из дворян, и потом, её образ напоминал ему его любимую певицу Клавдию Ивановну Шульженко.

Генерал собрался с духом и сделал ей предложение руки и сердца. Татьяна несколько смутилась, она не привыкла быть замужем, но, прикинув так и этак, посоветовавшись с сыном, решила ответить: «Да!»

Тем более что пенсия генерала, его дача и большая квартира были нелишними. Они даже сыграли небольшую свадьбу для близких друзей, расписались во Дворце бракосочетания, где очередь была три месяца, но, в силу их возраста и боевых заслуг генерала, их расписали через неделю!

Молодые уехали в свадебное путешествие, в санаторий на Чёрное море, и, казалось бы, жизнь улыбнулась Татьяне: статусный супруг, положение в обществе, материальный достаток, положенный отдых и лечение в военных санаториях на Чёрном море, живи и радуйся, ан нет!

После поездки в Ялту, где всё очень понравилось, Татьяна думала жить, как прежде, в своём размеренном темпе, наслаждаться хорошей жизнью под крылом заботливого супруга, да не тут-то было.

Генерал привык командовать всем и вся, не терпел возражений, на отдыхе в санатории все бытовые вопросы были решены, так что там он своего истинного характера не проявлял, всё было гармонично в жизни этой пары, ему очень нравилось, что, когда они гуляли по ялтинской набережной, люди смотрели на их пару с восхищением!

Они очень красиво смотрелись вместе: элегантная ухоженная женщина и спортивного телосложения седовласый мужчина с военной выправкой, он был очень галантен, люди думали: «Какая шикарная пара, много лет уже прожили вместе, а как любят друг друга, с какой нежностью муж поддерживает жену, и она смотрит на него очень ласково, и так прекрасно светятся от счастья её глаза».

Проходящие мимо люди не знали, что это молодожёны и совместная жизнь у них только началась.

Так что отдых прошёл на высоком уровне.

Но когда они вернулись домой, муж закрылся на полдня в кабинете и перед обедом вынес большой лист ватмана, расчерченный по дням недели с распорядком дня на месяц.

Шесть утра – подъём и пробежка по парку два километра, потом, когда они прибежали домой, Татьяна должна идти готовить завтрак, а он в душ, после душа генерал завтракал, читая свежие газеты, а Татьяна Афанасьевна принимала душ с обязательным обливанием из ведра холодной водой и только потом шла завтракать. Затем она должна была делать уборку и готовить обед и на возражения, что, дескать, она никогда этого в своей жизни не делала и есть соседка, которая этим занимается у неё в доме уже много лет, получила твёрдый ответ, что в своём доме он прислуги не потерпит.

И началась вот такая полувоенная жизнь. Татьяна сначала честно пыталась всё более-менее выполнять, но к концу первой недели уже совсем скисла, хотя её домработница потихоньку приносила приготовленную еду, но остальное она делать не могла, так как хозяин почти всё время находился дома или рядом с ним.

Настроение у Татьяны испортилось, она очень уставала, муж совсем ни в чём не помогал, а целый день либо писал мемуары, либо смотрел новости или уходил в парк играть в шахматы с соседом. Единственные приятные моменты были в списке генерала – это походы в филармонию или театр (обычно по субботам), Татьяна очень любила искусство, и этот день стал для неё единственной отрадой, как и вечерние прогулки перед сном по парку спокойным шагом под ручку вдвоём.

Она совсем растерялась от такой ситуации и, так как, по сути, она давно не жила с мужчиной вместе и не вела домашнее хозяйство почти никогда, стала задумываться, как бы ей эту ситуацию поменять, но пока на ум ничего правильного не приходило. Подругам она не могла рассказать всей правды, так как не хотела, чтобы её жизнь выглядела в неприглядном свете, все ей очень завидовали, и она не хотела понижать планку своего замужества. Но тут жизнь сама внесла свои коррективы.

В одно прекрасное утро генерал проснулся, встал в туалет и, наклонившись за тапочком, задвинутым случайно под кровать, громко, на всю спальню, пукнул и даже не извинился.

Татьяна подскочила от неожиданности как ужаленная, прошипев:

– Какая невоспитанность, потрудитесь извиниться, что за невежество, что за манеры? Вас этому учили в армии, солдафон?! – выпалила она в один миг и, схватив свой халатик, с возмущённым видом покинула спальню, даже не дождавшись извинений от супруга, который, нахмутив брови, выслушал эту пламенную речь, даже не поняв, за что его так обозвали. Он только крикнул ей вслед:

– Выбирайте выражения, дорогая, это естественный процесс!

Но Татьяну понесло, она быстро оделась и, хлопнув дверью, убежала к себе домой, вздохнув с облегчением! Когда женщина долго ищет выход из создавшейся ситуации и не может его найти, выход сам находит её!

Придя в свою квартиру, она сварила себе кофе, села за свой любимый круглый столик в уютной маленькой кухоньке, включила тихую музыку, достала вазочку, налила варения и с наслаждением сидела, болтая одной ножкой легко и радостно, как маленькая девочка, наслаждаясь сладостью малинового варения и вкусом терпкого кофе, который когда-то называли «дьявольским напитком». Она вдруг поняла, что такой муж оказался лишним в её жизни, так как она гораздо счастливее себя чувствовала сейчас, именно в эту минуту полной свободы и одиночества.

Позже приехал сын Юрий с невесткой Галиной, генерал уже позвонил им и возмущённо пожаловался на неё, они как родители быстро собрались и приехали вразумить неразумное дитя, то есть маму!

Татьяна объяснила свои жизненные принципы, что она не может жить с плохо воспитанным человеком, который позволяет себе выпускать газы ей под нос, и что только развод вернёт её к спокойной жизни, она не девочка, чтобы с её нервами переносить такое.

Юра молчал, так как знал свою мать и где-то подспудно понимал, что она просто не могла ни о ком заботиться, а всё остальное – это надуманный повод для возвращения в свою привычную жизнь, он потихоньку встал и вышел на балкон покурить, то есть тоже отстраниться от проблемы, которая, как ему казалось, его совсем не касалась, так как он был достойный сын своей матери.

Галина решила использовать возможность высказаться, пока Юрия не было в комнате, и выпалила очень темпераментно свекрови свои доводы:

– Подумаешь, пукнул, он старый человек, у него от напряжения так получилось, ну что вы, в самом деле, Татьяна Афанасьевна, как маленькая?

– Даже слушать ничего не хочу! – отрезала Татьяна Афанасьевна и встала, что называется, в позу.

Тогда Галина решила высказать ей последний аргумент:

– А как ваш сыночек пердит мне под нос каждый день и не извиняется, что же мне, тоже с ним разводиться!?

– Что ты, Галя, сравниваешь, вы уже давно живёте вместе, да и потом, молодому мужу всё можно простить, тем более я думаю, что ты преувеличиваешь!

И потом, он меня не удовлетворяет! – произнесла по слогам Татьяна, округлив глаза.

– Что-о-о?! – подскочила на стуле Галина.

– То-о-о! – произнесла чётко Татьяна.

– Всё, разговор окончен, развод и только развод! – закончила она свою речь и, довольная собой, вышла из комнаты.

На это заявление у Галины доводов не нашлось!

– Юра, – позвала Галина, – ну что ты скрылся, всё время уходишь от проблемы, что делать будем?

Юрий ответил ей очень спокойно:

– А что нам делать? Мама взрослая девушка, хочет жить одна, пусть разводится, поехали, я устаю от этих разборок, – и, попрощавшись с мамой, вышел из квартиры. Галине ничего не оставалось, как последовать за ним.

Сказано – сделано, развод, как говорится, и девичья фамилия, потом она не раз пожалует об этом, но это будет потом! А сейчас упрямство идеалистки правило миром, обвиняя, оскорбляя, унижая всех и вся, кто хоть на йоту нарушил правила приличия. Она не думала, что сейчас безвозвратно разрушает своё вновь обретенное счастье навсегда! Как говорится, опять заклинило мозги напрочь!

Время пошло своим чередом, и вдруг Татьяна узнает, что её лучшая подруга Любаша приняла предложение от генерала руки и сердца и согласилась! Это было возмутительно!

– Как она посмела так поступить?! Она предала нашу сорокалетнюю дружбу! – высокопарно говорила всем знакомым Татьяна Афанасьевна, хотя все слушали с недоумением.

– Вы же сами его бросили!

– Ну и что, – говорила Татьяна, – она не должна была так поступать... – И прекратила все отношения с Любой.

Генерал с Любашей всё равно поженились и стали жить прекрасно, для Любы все требования супруга были понятны, и её ничего не раздражало в нём. Они зажили счастливо, и, так как дома их находились рядом, Татьяна часто видела в окно, как они шли на пробежку

вдвоём, гуляли вечерами под ручку вдвоём и как голубки о чём-то ворковали, а она злилась сама на себя за нетерпение, а иногда вздыхала:

– Ах, если бы всё вернуть, я бы действовала по-другому и тихонечко бы поправила отношения в свою пользу.

Но вернуть уже было ничего невозможно, да и одинокие генералы больша-а-ая редкость на территории необъятной России!

Так и осталась она до конца дней своих у разбитого корыта!

А счастье было так возможно, но увы и ах!

Глава третья

Инна проснулась, огляделась встревоженно, поднявшись на локте, посмотрела на деток: спят себе зайчики, пусть спят, захотят есть – проснутся.

Посмотрела вниз, соседка сидела, подперев щеку рукой, взгляд её был направлен вдаль, и она, как показалось Инне, была чем-то расстроена. Женщина слезла с верхней полки, нижняя под ней за ночь освободилась, и она стала обустриваться там, застелила свой плед, под голову сумку и собиралась уже опять прилечь, как с ней заговорила Татьяна:

Ну что, отдохнули немного, если это можно назвать отдыхом?

– Да, спасибо, спала как убитая, даже не слышала, как люди входили, выходили.

– Ну и хорошо, вам нужно выспаться, это первое лекарство при стрессе, – сказала Татьяна. – В Петербург вы к кому – к родне? – спросила она.

– К сожалению, родни нет, у подруги есть телефон, она два года здесь, замуж за вашего жителя вышла, повезло.

– А подруга хорошая, поможет, вам же не на один день?

– Да, лучшая, всю школу вместе и на танцы, и на учебу, везде, одним словом. Я её выручала много раз, может, пустит пожить, пока не устроюсь, только вот мужа её никогда не видела, она как в институт поступила, мы так и не виделись, только изредка перезванивались. Деток у неё пока нет, муж говорит: «Давай для себя пока поживём». А как это для себя, я не понимаю. Любой человек, по сути, живёт для себя, и деток для себя рождает, и растит их для себя. Квартира, говорила, у них огромная, муж при больших деньгах, так, думаю, что им нас не пустить пожить? Не стесним же.

– Ой, моя голубка, по жизни знаю, чем у человека чего-то больше, тем ему всё теснее становится. Это только говорят, что с милым рай в шалаше, а как шалаш обживут, уже хоромы подавай, да всё больше и больше, и дети не нужны, так как хоромы требуют нежного обращения, всё дорогое. А потом, когда уже всё есть, зачем нам эти дети, лучше собачку элитную заведём. Время быстро идёт, и, когда просветление вдруг наступает, по врачам бегать начинают. Помогите деток нам завести, – а не получается. И так год, два, три, а затем суррогатную маму покупают, а когда ребёнок появляется, от этой нервогрёпки уже видеть друг друга не могут и разводятся. В лучшем случае женщине хоть дитя остаётся, а в худшем, если нет детей, то муж быстро находит молодую, она рождает, и он уходит от своей жены с лёгким сердцем, с которой прожил лет двадцать, и ещё её виноватой сделает. А она, бедняжка, остаётся с деньгами и жильем, но одна-одинёшенька, сколько таких случаев по России, ужас!

А если она была неумна, пока её любили, то и без всего останется. Вы знаете, Инночка, у меня соседка одинокая живёт в двухкомнатной квартире, все у неё поумирали, она сдавала одну комнату года три девушке, да она отучилась и домой уехала, запишите мой телефон и адрес на всякий случай, вдруг вас там не примут. Люди, не имеющие детей, чужих не жалеют, они их раздражают. Не знаю, правда, может быть, уже кому сдала комнату, но, когда я уезжала, никто не жил, она не всякого возьмёт, жуликов боится.

– Ой, спасибо, Татьяна Афанасьевна, – обрадовалась Инна, что так удачно всё складывается. На душе у неё скребли кошки, и рассуждения соседки только их утвердило. Ладно, успокоила она себя, буду надеяться только на хорошее!

До Петербурга оставались считанные часы, за окном мелькали пейзажи средней полосы России: ели, сосны, берёзовые рощи, всё цело, благоухало, одним словом, прекрасная весна.

Раньше Татьяна Афанасьевна очень любила весну, в мае она перебиралась на дачу невестки, там был уже давно слаженный свой круг общения, вечерние посиделки с соседями в старинной беседке, сохранившейся, наверное, со времён революции, лёгкое вино, песни под

гитару, петь Татьяна очень любила, голос у неё был приятный, и, конечно, романсы звучали над рекой и дачами в первую очередь.

В тонких запястьях капрона
Жемчуг накручен змейей.
Тихая радость притона,
Бархата цвет неземной.

Тихо печальное танго
Душу и сердце мне рвёт.
Выбросил дерзко коленку
Нашей судьбы поворот.

А за окном всё красиво,
Жизнь там пристойно идёт.
Лёгкая музыка танго
Пьяно, вальяжно плывёт.

И под оркестр фортепьяно
Вяжет узлы без затей.
Белые руки – так рьяно.
Клавиши звонко: «Налей!»

Медленно, сладко, хрустально
Я наливаю бокал...
И пузырьками целую
Губ ваших красный овал.

В тонких запястьях капрона...

Она знала много романсов и пела их с удовольствием: все романсы Каревой, Изабеллы Юрьевой, Шульженко, Вертинского и современных авторов, в общем, всё было пристойно и приятно, лёгкий прохладный ветерок развеивал ласково волосы, звучал звон бокалов, люди говорили друг другу комплименты, читали стихи свои и чужие, немножко кокетничали, иногда влюблялись ненадолго и расставались – кто красиво, а кто некрасиво, и, конечно, у элегантной Татьяны Афанасьевны всегда случался поклонник.

С одним Георгием, или Гошей, она встречалась почти пятнадцать лет, он был намного лет её моложе, настолько, что она никогда не хотела об этом слышать ни от кого, и знакомые, зная, что она рассердится, если говорить об этом, тихо помалкивали, что Татьяну очень устраивало.

Она не любила мужчин своего возраста, ей они казались стариками, а себя она всегда ощущала молодой. И вот сейчас под стук колёс она вспоминала этот давний роман с улыбкой и с тихой печалью на душе. Это был сын её подруги Ларисы, они вместе когда-то работали телефонистками после войны.

Она была года на четыре моложе Татьяны, но очень рано вышла замуж.

Ну вот, когда на посиделках появился Гоша, он был совсем молоденький, но сразу обратил внимание на Татьяну, был с ней особенно внимателен, смотрел влюблёнными глазами, и она была немного смущена этим проявлением чувств от столь юного мужчины, но, как-то выпив лишку, даже не заметила, как сама начала отчаянно кокетничать с юношей, он вызвался её проводить, хотя её дача была в нескольких шагах, и, конечно, предложил прогуляться по берегу реки, заросшему кустами ракиты, и как-то, само собой, они начали целоваться вроде бы в шутку, сначала в щёчку. О-о-о! А потом в шейку. О-о-о! Потом поцелуи продолжались всё ниже и ниже, и вот уже они стали парой.

Многие люди говорят, что интимная связь – это не повод для знакомства!

Но Татьяна с ними была не согласна, она говорила по-своему:

– Интимная связь – это повод для романа, а какой он будет, – на два, три дня, год или много лет, – не важно, главное, чтобы двум людям было хорошо и спокойно вдвоём в этом шумном мире.

Некоторое время они скрывали свой роман, но потом Лариса всё поняла и сначала хотела устроить скандал подруге, но потом, остыв и немного подумав, решила принять это как данность, зачем ей портить отношения с любимой подругой, а главное, с единственным сыном.

Она знала Гошин характер: если ему что-нибудь запрещать, он, наоборот, встанет в дыбы, и неизвестно, чем это закончится, может из дома уйти. «А-а-а, – решила она, – пусть будет как будет, буду современной мамашей, а он потом молодую встретит, всё уже будет уметь и знать, как с женщиной обращаться, заживёт счастливо и внуков мне подарит», – закончила она, довольная своей материнской мудростью.

Как раз Татьяна пригласила её в театр оперетты на «Сильву», и она решила с ней объясниться там, в антракте, по-хорошему, чтобы между ними не было лжи и недосказанности, пусть сыночек потренируется. Раньше дамы высшего света обучали царских наследников искусству любви, а чем её сын хуже, подумала она и улыбнулась хитро и ласково, как могла улыбаться только умная женщина.

Они встретились, поцеловали друг друга в щёчку, посмотрели друг другу в глаза и рассмеялись.

– Ну что, подруга? – спросила Лариса. – До меня дошли слухи!

– Я в этом не сомневалась, – улыбнулась Татьяна и выжидающе посмотрела на Ларису.

– Ладно, не будем ругаться, – сказала Лара. – Надеюсь, что ты не обидишь моего мальчика и направишь его в нужное русло?

– Ой, как хорошо, что ты так правильно всё понимаешь, – радостно промолвила Татьяна. – Ты знаешь, не ждала, не гадала, не думала, а тут вдруг такие чувства, не обижать же мальчика, я от себя сама не ждала такого всплеска эмоций, не волнуйся, всё будет хорошо, я знаю своё место в данной ситуации, не замуж же мне за него выходить.

– Ну да-а-а, – уныло протянула Лариса. – Ладно, давай оставим этот разговор, всё в руках Господа.

И они пошли в свою ложу наслаждаться Мельпоменой!

За окном вагона стемнело, пассажиры стали собирать свои вещи, поезд подъезжал к Ленинграду.

– Инна, – позвала Татьяна дремавшую девушку. – Пора собираться! Двадцать минут осталось, подъезжаем.

Инна открыла глаза, села на лавку, просыпаясь, встала на цыпочки и начала будить детей, сняла сыночка, за ним – что-то бормотающую со сна дочку и занялась сборами. Через некоторое время поезд подъехал к перрону, и все стали потихоньку выходить.

Татьяна Афанасьевна попрощалась с Инной:

– Всего вам доброго, если что, звоните, не стесняйтесь, хорошо?!

– Спасибо вам, – пробормотала Инна как-то нерешительно, опустив глаза вниз, честно сказать, ей уже не хотелось звонить подруге, она заранее предчувствовала её реакцию, но сразу попросить помощи постеснялась.

Татьяна скрылась в темноте, Инна взяла детей за руки, чемодан через плечо и направилась к дверям вокзала искать телефон. Усадив на скамейку детей, пошла к автомату, набрала номер, в трубке зазвенели гудки: один, второй, третий. Инна напряглась в ожидании ответа и уже собралась положить трубку, думая: «Ну слава Богу, что нет никого, позвоню Татьяне Афанасьевне, – как мужской голос ответил сонным голосом:

– Слушаю.

– Здравствуйте, а Марина дома? – спросила Инна почему-то почти тоненьким голосом, несвойственным ей.

– Здравствуйте, а кто спрашивает? Она, вообще-то, уже отдыхает!

– Извините, я только приехала, звоню с вокзала, можно с Мариной поговорить?

– Счас спрошу, – озадаченно ответил мужчина. В трубке было слышно, как он разговаривал с Мариной.

– На, тебя какая-то Инна с вокзала просит!

– Какая ещё Инна с вокзала? – спросил недовольный сонный голос и забормотал в трубку: – Алё, алё, кто это?

– Это я, Инна... Марина, привет, – выпалила одним духом Инна. – Понимаешь, я приехала экстренно с двумя детьми, можно у вас остановиться ненадолго, пока устройсь?

– Как экстренно, ты что, ушла из дома?

– Да, с детьми, так получилось, скажи адрес, я сейчас на такси подъеду.

– Подожди, у меня не так всё просто, как у нас в Украине, сейчас мужа спрошу... – Инна услышала ответ мужа, он слышал их разговор и всё понял.

– Какая подруга? Какие дети? Ты что, приют здесь собралась устроить? Пусть в гостиницу едет! – услышала Инна и, положив трубку, заплакала.

Подумав немного, достала листок, где Татьяна написала ей адрес и телефон, но решила не звонить, а то вдруг и там что-то сорвётся, а так приеду, не выгонит же она меня на улицу с детьми – и решила ехать немедленно в силу позднего времени. Она забрала детей, они спустились в метро, детям очень понравилась лестница-чудесница, они весело смеялись и требовали ещё, наконец, разобравшись в схеме метро, Инна села в поезд в нужном направлении, и они поехали, не зная наверняка, чем это всё закончится.

Татьяна Афанасьевна только приняла душ, надела красивый пеньюар и решила перекусить, как в дверь позвонили.

– Иду, иду-у-у, – пропела она своим мелодичным голосом, радостно улыбаясь, она подумала, кто-то из подруг пришёл к ней или домомучительница, как она называла свою домработницу.

И вдруг, открыв не спрашивая, увидела Инну с детьми, улыбка машинально сошла с её лица. Инна испугалась этой реакции и ждала чего угодно, но Татьяна всё сразу поняла и, сказав:

– Очень рада, Инна, проходите, пожалуйста! – отступила от двери, показывая рукой, куда пройти.

Время было позднее, но Татьяна пошла к соседке, сдающей комнату, и, позвонив в дверь и надев радостную улыбку на лицо, ждала, когда откроют. В квартире кто-то закашлял, включив свет, и наконец щёлкнула крышечка глазка, и с возгласом:

– Ох, Татьяна Афанасьевна! Слава Богу, приехали! – женщина открыла дверь.

– Здравствуйте, дорогая, – промолвила ласковым голосом Татьяна. – А я тут с просьбой к вам, извините, пожалуйста, что так поздно.

– Да что вы, заходите, очень рада, – ответила Раиса Петровна, – я и не спала, бессонница от одиночества мучает, поговорить-то не с кем, вы уехали, соседка тоже уехала в деревню, квартирантка, знаете, съехала, садитесь, давайте чайку попьем.

– С удовольствием, но в другой раз, – ответила Татьяна. – Вот с просьбой к вам, ко мне знакомая с двумя детками приехала, не приютите? А то у меня тесно, да и Юра-сынок будет недоволен, что я себя стесняю. А то ночь, им деваться некуда, я знаю, что вы сдаёте, вот вам и жильцы!

– С детками не хочу, шуму от них, да и ломать всё начнут, – заинтересованно проговорила Раиса. – Ну если только временно!

– Да, конечно, давайте хоть на месяц, а там посмотрите, а детки хорошие, воспитанные, я думаю, они вам понравятся, хорошо?

– Ну, коли так, пойдёмте посмотрю на жилищку, но с детками дороже.

– Ну, это как договоритесь, хозяин – барин, пойдёмте, дорогая, – прожурчала Татьяна Афанасьевна, и они направились к её двери.

В квартире Татьяны стояла тишина.

– Что-то тихо очень, – прошептала Татьяна и приложила палец к губам. Когда они потихоньку зашли в зал, то увидели такую картину: Инна и дети вповалку спали на диване, укрытые пледом. Татьяна на цыпочках молча вышла в другую комнату, увлекая за собой соседку, и осторожно прикрыла дверь.

– Знаете, Раиса Петровна, пускай сегодня спят у меня, как легли, а завтра с утра разберёмся, посмотрели, и женщина хорошая, и детки, я никогда в людях не ошибаюсь, – тихо промолвила она, испытываясь глядя на Раису.

Та поняла, что она может только сказать «да», так как не хотела портить отношения с такой приятной соседкой, ещё подумает, что она монстр и не любит детей.

– А я люблю детей, – сказала сама себе Раиса и с улыбкой на цыпочках покинула квартиру.

– Ну вот и ладненько, – сказала вслух Татьяна Афанасьевна и отправилась спать.

Глава четвёртая

На следующий день, когда все проснулись, умылись и сели завтракать, Татьяна Афанасьевна сказала:

– Инна, вы знаете, я вчера переговорила с соседкой, она согласилась сдать вам комнату пока на месяц, так как не все хотят квартирантов с детьми, ну, я думаю, она женщина одинокая, добрая, и она обязательно полюбит ваших детей, ну а пока поговорите с детьми, объясните, что шалить и кричать не нужно, ну, вы меня понимаете, хозяйке нужно потихоньку перестроиться, привыкнуть к деткам в квартире.

– Спасибо огромное, Татьяна Афанасьевна, вас мне Господь послал, я знаю!

– Хорошо, тогда пойдёмте представимся Раисе, обсудим оплату и прочие мелкие вопросы, только вы помните, что в каждой квартире существуют свои правила и вам нужно будет их запомнить и постараться выполнять, чтобы все были спокойны.

– Ну что, пошли? – сказала Татьяна.

Инна очень волновалась и, выходя из квартиры, сказала:

– Дети, давайте постараемся понравиться бабушке-хозяйке, чтобы поселиться у неё, хорошо?

– Хорошо, – согласились дети и стали очень серьёзными.

Раиса Петровна встретила гостей с улыбкой.

– Проходите, проходите, прямо целая делегация пожаловала! – радостно засмеялась она, глядя, как дети важно усаживаются на диван, изображая из себя серьёзных взрослых людей.

– Ну, давайте знакомиться, меня зовут Раиса Петровна, можно тётя Рая, а вас как?

Инна представилась, мальчик важно встал, подошёл к Раисе Петровне, протянул ей руку для пожатия и сказал спокойно, как взрослый:

– Вячеслав, можно просто Слава, – и поклонился, как учила воспитательница в детском садике.

Девочка с места пискнула тоненьким голоском:

– Кристина, – и, застеснявшись, уткнулась маме в подол курносеньким носиком.

– Ну вот и познакомились, – сказала весело хозяйка, – пойдёмте, я покажу вам комнату.

Комната была просторная, светлая, в ней стояли кровать, диван, шкаф, стол, стулья, в общем, всё, что нужно для жизни.

– Пойдёмте, Инна, обговорим условия, а Татьяна Афанасьевна за детками посмотрит, можно, Татьяна Афанасьевна?

– Конечно, посмотрю, идите беседуйте спокойно... – и, присев к Кристиночке на диван, поговорила с детьми на разные темы, а потом рассказала наизусть «Мойдодыра» Чуковского, дети сидели и слушали, не сводя с неё глаз, мама им читала редко, папа совсем не читал, а бабушка была всё время занята по хозяйству, поэтому такое внимание постороннего человека им очень понравилось.

– Ну что, – спросила Татьяна Афанасьевна Инну, – договорились?

– Да, – тихо ответила Инна, – за месяц заплатила. А там посмотрим: уживёмся – дальше будем жить. Женщина хорошая, простая, спасибо вам большое, мне вас Господь послал!

– Да ладно вам, Инна, мы, женщины, должны помогать друг другу, а иначе как жить? Я бы вас и к себе взяла, одной скучно и грустно, мамочка была жива, было хорошо, ну а теперь уединение, хорошо хоть подруги живы, заходите, если будет время, да и так просто на чаёк, грешным делом люблю поболтать. Вот в храме каялась за словоблудие, ан нет, опять болтаю без умолку, придётся опять у Господа прощения просить, я как та барыня в пьесе Островского: грешу и каюсь, грешу и каюсь, читали?

– Нет, не помню, вроде в школе когда-то проходили.

– Ну ничего, как-нибудь в театр сходим, такие произведения можно смотреть и смотреть, да ума набираться! – сказала Татьяна.

– Ну хорошо, пошла я восвояси, пора делами заниматься, обустраивайтесь, Инна, дай вам Бог счастья и удачи, – сказала Татьяна Афанасьевна и быстро вышла в распахнутую дверь.

Инна посидела секунду, глядя удрученно в окно, потом встрепенулась, как воробушек, и быстро пошла в свою комнату.

Дети играли в зале, хозяйка любила детей, она уже накормила их кашей, принесла игрушки, оставшиеся в кладовке от умерших в блокаду своих детей, вздохнув, протёрла их, девочка была так похожа на её умершую доченьку, и, главное, такие же белые кудрявые длинные волосы почти до талии, мамина гордость. На глаза набежали удушающие слёзы, послышались голоса:

– Мамочка, кушать хочется, дай хотя бы клейстер, мамочка, мамочка... – Да тогда и клейстер был за лакомство, но не было ничего, кроме воды, карточки украли, вырвали с сумкой из рук, сколько ей мама покойная говорила: «Деньги, документы у сердца в лихую годину храни».

Забылась, в ридикюль положила, пошла на свою и всех погибель в магазин, в подворотне пихнул кто-то в спину, сумочку вырвал и был таков, выла, кричала, каталась по снегу, на коленях ползала, к Господу взывала, не помог, видимо, Господь не мог помочь, чёрные силы задавили его своей тьмой тараканьей, не смог.

Куда только ни ходила, никто не помог, угля дали пакет, да один старик, добрый человек, пожалел деток, свою дневную пайку отдал, вот и всё, так и поумирали детки на кровати во сне.

А она зачем-то осталась. А тут муж на побывку за снарядами приехал, спас её, а для чего? Для дальнейшего мучения? Для самоуничтожения? Для самораспятия? Кровь стыла в жилах, когда вспоминала, как она лежала без движения на кровати чуть живая, а муж с застывшим лицом забирал деток с кровати, ручки плетями болтались, такие тонкие, тоньше берёзовых побегов молодых, она даже и плакать не могла, сил на слёзы не было.

Вывез её муж на большую землю. Для чего?! Для чего?!

– Жить, – говорит, – нужно... – А ей, матери, не для чего жить!

Ручки-ветки тянутся тихо по земле.
Ручки-ветки тянутся, жизнь теперь во мгле.
Белыми морозами, вьюгой очень злой
Будут захоронены под Невой-рекой.

Кудри белоснежные у одной из них.
Кудри белоснежные сгинут в один миг.
Не родятся детки никогда у них.
Род их белоснежный сгинул в один миг.

А сыночек маленький стал совсем седой.
Голодом заморены на войне чужой.
Ручки-плети тянутся, их не подобрать.
Только в сердце матери будут вечно спать.

Ах, война проклятая, чёрная стезя.
Гробик очень маленький на двоих пока.
Снегом запорошит их, ветром закружит.
Звонкими ручьями, может, оживит?

Прорастут те ветви раннею весной.
Детки белоснежные будут вновь со мной.
Садик при обочине, шелестит листва.
Деток замороженных в них живут сердца!

Потом и мужа Василия убило, где могилка, не знает, да и есть ли она? Танками подавило всю роту, два человека осталось, да и те инвалиды.

«Ох, война, что ты сделала, подлая?..» Из песни слов не выкинешь.

А что потом вспоминать? Ходила как сомнамбула: что воля, что неволя – всё равно, работала где придётся, перелопатила земли вагон, падала от усталости, смерти у Бога просила, не дал. Говорят, просите, и вам откроется. Просила, выла, на коленях смерти вымаливала, чтобы к деткам своим уйти скорей, не открылось. Наверное, Господь её и слушать не стал, грех это – смерти просить, тяжкий грех. А если жизнь не в радость, а сплошная бо-о-оль?!

Что тогда, зачем всё, для чего?! Нет справедливости, нет...

Потом как-то жизнь к ней временно солнышком повернулась: встретила Ивана, шофёр молодой, весёлый, чуб рыжий, кудрявый, глаза – небо синее, характер весёлый, пожалел, видать, её, горемычную, отогрел, стали жить вместе. Забеременела, счастье вернулось, расцвела, петь вечерами стала, голос вернулся – чистый и ясный, как хрусталь, зазвенел над домом.

– Всё хорошо, всё хорошо, всё хорошо, – успокаивала она себя, когда чёрные воспоминания надвигались тучами над головой и какое-то беспокойство поселилось в сердце, что-то вдруг забьётся тревожно, и страх наползает на мысли, как чёрный платок на голову.

– Тьфу-тьфу, спаси и сохрани, Господи, отведи беду, отведи, – шептала она во сне бессознательно, видимо, до конца не верила в своё счастье, оплаченное, заслуженное страшной расплатой неизвестно за что.

Муж успокаивал:

– Ты что, родная, всё классно, дитё родится, останавливаться не будем, троих хочу, как ты на это смотришь?

– Это тоже моя мечта, дорогой!

– Ну и всё, давай мечтать вместе и все мечты обязательно воплощать в жизнь! Иди я тебя поцелую крепко, чтобы лучше была! – засмеялся он.

Да, видно, она чем-то кого-то прогневила в прошлой жизни, поехали с мужем на ярмарку на грузовике, людей полный кузов, соседи напросились, все на ярмарку хотят. Туда приехали, настроение хорошее, всё купили, что хотели, приданое доченьке, во сне к ней пришла женщина в чёрном и девочку ей протянула, держи, мол, Раиса, она руки-то протянула, зацвела вся от счастья и тут проснулась. Сначала испугалась, что женщина в чёрном, а потом вспомнила свою мамочку, царство ей небесное, она после смерти отца всю жизнь в чёрном ходила и успокоилась, видимо, мама пришла во сне, чтобы показать ей, дочка будет и приданое они на девочку купили – розовое, с кружавчиками.

Женщина на ярмарке продавала, сама шила, очень красивое, дорого, но разве для ребёнка, что жалко. Мужу полупальто, а ей пряников с повидлом, очень Раиса их хотела, как забеременела, тоже её личная примета, она девочку первую свою носила и тоже на пряники налегала, наестся не могла, а с сыночком огурцы и капусту солёные, у каждого ребенка свой вкус.

В шесть вечера двинулись в обратный путь, люди все развесёлые, радостные, покупки всегда душу человеческую греют, хохочут, песни поют кто во что горазд, она с мужем в кабине сидела. Доехали до моста через реку, мост длинный, высокий, речка бурная, вода тёмная, и вдруг трактор наперерез, деваться некуда. Иван вырулить пробовал, куда там, трактором

смело с моста, кто успел прыгнуть, но таких мало, остальные, как горох, в воду посыпались, а грузовик сверху упал, Иван на лету дверь успел ей открыть да у самой воды выпихнул, а сам следом хотел, затянуло их водоворотом.

Люди попадали, как камни, крик, визг, вода ледяная, муж под водой схватил её, на поверхность выпихнул, а сам не смог выплыть, штанина в щель двери попала, не смог освободиться, захлебнулся, погиб, и ещё пять человек на жертвенный камень водоворота ушли...

Когда мужа вытащили мёртвого, с ней худо сделалось, кричала, выла, схватки начались, девочка преждевременно родилась, умерла на третьи сутки, вот на том счастье её и закончилось! Застыла Раиса как памятник, мужа молча хоронила и доченьку молча, не взглянула на них, мертвых, приказала гробы заколотить до похорон, бабушку запретила звать на отпевание.

А на следующее утро встала рано до восхода, собрала в доме все иконы, что были, Библию мамину и остальную церковную утварь, даже свечи церковные. Достала из сундука старинную терновую шаль, всё туда сбросила со злостью великой, крепким узлом завязала, оделась, к храму молча быстрым шагом пошла, пришла и под двери храма бросила со звоном свой узел, развернулась и почти побежала вон, только на секунду у ограды задержалась, не утерпела, на колокола посмотрела и на лик Господа над входом и сказала:

– Где ты был, Господь? За что караешь? Почему не пожалел меня никогда? Потому что нет Тебя, нет! И меня для Тебя нет!

Поклялась до смерти своей не переступить порог церкви и никогда не вспоминать, что Бог существует на свете.

Слово своё по сей день держит, живёт без Бога в душе и всё тут, не смирилась, не простила судьбу свою.

И теперь сидела молча, слёз не было уже давно, вот квартирантку с деткамипустила и, что вышло, всё заново пережила, но прогонять деток ей не хотелось, пусть живут.

– Рада я им, – сказала она сама себе, входя в кухню. – Надо бы деток побаловать, пирожков с повидлом испечь, пусть порадуются, вижу, жизнь у них тоже не сахар.

Глава пятая

Инна последнее время чувствовала себя белкой, попавшей в колесо, она бежала, бежала по тропинке, которая крутилась под ногами и никогда не останавливалась, она переставляла тупо ноги и ненавидела свою мучительницу, но не могла расстаться с ней, так как за спиной у неё были дети, которых нужно было растить, а помощи ждать неоткуда. Она носилась с утра до ночи как заведённая, пытаясь устроиться на работу, но, пока Раиса Петровна не согласилась прописать Инну, ничего не получалось. Теперь с ней стали хотя бы разговаривать, и через месяц наконец удалось устроиться нянечкой в детский садик, деток пристроить и ещё мыть подъезды в трёх домах – деньги небольшие, но верные.

Образования у Инны не было, так как после школы сразу вышла замуж, забеременела и родила одного ребенка, потом другого, и с науками так и не получилось, а теперь, конечно, какое образование, кто её учить будет, был бы муж хороший – ещё бы можно было помечтать, а так...

Сначала она расстраивалась, когда вдруг эти мысли приходили в голову, но потом, подумав так и сяк, сказала сама себе:

– Давай не будем об этом, дорогая, будем жить в настоящих обстоятельствах, не роптать, а выживать, а там, может, судьба и мужа хорошего преподнесёт за терпение, – и на этом успокоилась.

Инне очень помогала с детьми Раиса Петровна, она сама предложила помощь с детьми, сказав:

– Инночка, мне ж это в радость!.. – И денег за это не требовала, из садика заберёт, и погуляет, и накормит, при этом она всё делала с радостью, это было большой помощью для Инны, как бы она без Раисы справилась, даже не представляла. Дети очень полюбили свою новую бабушку, сначала Инна их одёргивала, когда они так говорили, но Раиса Петровна попросила её однажды:

– Инночка, пусть и у меня будут внуки, чем я хуже других, а то соседки некоторые кичатся передо мною, а мне это как ножом по сердцу, я сразу вспоминаю своих погибших детей, и настроение портится, а мне в моём возрасте нужны только позитивные эмоции, а то из больниц вылезать не буду, не ругай деток, хорошо?

– Хорошо, – ответила Инна. – Я даже рада, просто знаю, что моя мама не разрешает внукам её бабушкой называть, и я подумала, что вам это может быть неприятно.

– Да что вы, я вообще не понимаю таких женщин, каждому возрасту своё, вот не было бы у них детей, ой как бы хотели бабушками стать! Я соседкам всем сказала, что вы моя племянница по двоюродному брату, так что внуки настоящие, – сказала она и улыбнулась хитренькой улыбкой.

Инна в свою очередь всю уборку в доме взяла на себя, в комнате Раисы тоже прибирала без всякой просьбы и продуктов стала покупать немного больше, а Раиса очень любила готовить и придумывала для деток всегда что-нибудь вкусенькое, так что жили они одной семьёй и кушали почти всегда вместе.

Дети называли Раису бабушкой, и она очень любила ходить с ними в парк на карусели и так – побегать, покормить белок, и, когда они кричали:

– Бабушка, иди к нам! – она с гордостью оглядывалась вокруг и, если на них кто-нибудь смотрел, очень радовалась. Постепенно она забыла, что это не её внуки, и говорила соседкам:

– Нашим-то нужно и то, и это, и на новогодний концерт купить билеты.

Соседки было удивлялись: зачем ей это нужно? На чужих детей тратить своё время и деньги, но потом даже стали завидовать, у них были свои дети и внуки, но видели они их

крайне редко, на день рождение и Новый год, и то не всегда, и сидели они всё время на лавке у подъезда, обсуждая чужую семейную жизнь и чужих детей, к сожалению.

Сколько на свете живёт брошенных стариков – не перечесть, отдали всё детям, а теперь стали им не нужны, к великому сожалению, их дети не понимали, что своим отношением к родителям они своим примером для своих детей строят своими руками себе такую же старость.

Так прошло пять лет без особых перемен для Инны, так как она почти всё время с тряпкой и ведром ходила. Кто на неё позарится? Да и детей двое – тоже не подарок для постороннего мужчины. Так что на свидания её никто не приглашал, правда, одно время вдруг завхоз с домоуправления стал проявлять к ней повышенный интерес: то шоколадку, то конфеты, то духи незатейливые подарит, человек хороший, добрый, нестарый ещё, лет пятьдесят, наверное, а женщине всегда приятно любое внимание. Инночка как-то вдруг расцвела от этих знаков внимания и комплиментов, которые уже давно не слышала, хотя, когда она была ещё не замужем, одна подруга, которая писала стихи, подарила ей на день рождения красивое поздравление, и тогда Инна поняла, что очень красива.

Она всегда хранила эти стихи особенно аккуратно вместе с важными документами, а иногда, когда совсем жизнь прижимала, доставала их перед сном, читала и засыпала счастливая – вот что значит похвала для любого человека.

С днём рождения, дорогая Инночка!

Яблочки румяные – щёчки у тебя.
Розовые, пряные, нежные уста.
Брови соболиные, бирюзы – глаза.
Шёлковые волосы, ах как хороша...

Попрошу я Господа счастья для тебя.
 У свечи с молитвою сяду у окна.
 Господи всесильный, радуешь людей.
 Одари ты Инночку счастьем, не жалеи!

Мужа дай достойного, чтоб любил, ласкал.
 Нежил и лелеял, крепко обнимал.
 На руках носил бы, пел ей не спеша.
 Инночка любимая, звёздочка моя!

Яблочки румяные – щёчки у тебя.
Розовые, пряные, нежные уста.
Брови соболиные, бирюзы – глаза.
Инночка-красавица, ах как хороша!

Ну вот, дарил завхоз подарки, дарил и вдруг пригласил отметить у него дома Новый год. Инна так растерялась, что и ответить сразу не смогла, а он, приняв это за радость, вдруг схватил её в объятия и впился в губы, от неожиданности она растерялась, но через несколько секунд пришла в себя и двинула коленкой ему между ног, как учила её когда-то мама на случай нападения насильника, он, вскрикнув, присел, а она что-то пробормотала и, выскочив из кабинета завхоза, убежала как ошпаренная домой. Прибежав домой, закрылась в своей комнате и стала думать, почему она так отреагировала на приглашение мужчины, но, подумав, решила не переживать.

Видимо, внимание завхоза ей нравилось, а сам завхоз нет!

Завхоз озадаченно почесал себе затылок и сказал, удивлённый таким исходом дела:

– Странная женщина, странная!

И решил пригласить другую одинокую уборщицу Маню, так её все называли, правда, она была некрасива: нос кривой, огромный для её лица, глазки пороссячи, но была в ней какая-то дикая сексуальность, в жёны её никто не брал, а так – повстречаться временно, желающие были, конечно, подарков он ей не дарил, как Инне, но, подумав, решил: «Эта и так согласится».

На этом его ухаживания прекратились, он даже теперь стал покрикивать на Инну с раздражением и придираяться ко всему.

Да, оскорблённые мужчины бывают очень мстительны, впрочем, как и женщины, никто не хочет быть отвергнутым в этой жизни.

А тут вдруг наступила перестройка, и мир перевернулся с ног на голову!

Все начали как сумасшедшие носиться по магазинам, сметая всё, что оставалось на прилавках, люди дежурили около универсамов в ожидании, когда на пустые белые прилавки выкинут, как говорили в то время, хоть какой-нибудь еды, и всё расхватывалось мгновенно с криками, скандалами, а иногда и с драками, нужно это было или нет, лишь бы деньги обесценившиеся пристроить, которые теряли свою стоимость каждый день.

Инна испугалась: как жить, кормить детей? В садике уже три месяца зарплату не платили, а в домоуправлении опять задерживали почти на месяц, да и деньги настолько упали в цене, что их стали называть фантиками, раньше на месяц зарплаты хватало, а теперь по-хорошему только на неделю, и люди кружились в этом сумбуре, не зная, что их ждёт завтра.

Но тут воспитательница из садика Наталья Ивановна рассказала Инне, что можно ездить на автобусе в Польшу на выходные и продавать там наши незатейливые хозтовары: тазики, ведра и прочий хозяйственный скарб, ну а если сможешь достать электротовары, то заработаешь очень прилично, но, если даже не очень, всё равно выгодно, потому что ты традишь на закупку рубли, а привозишь доллары, которые растут в цене каждый день.

Инна подумала, посоветовалась с Раисой и Татьяной Афанасьевной, одолжила у них денег – и вперед с песнями.

Загранпаспорт сделала быстро, нужно было отдать на точке, где стоял милиционер, входящий в эти структуры, документы и деньги (конечно, дороже, чем в паспортном столе) и через несколько дней прийти забрать паспорт с визой – и всё, можно ехать за рубеж. Так Инна и сделала.

Единственно, что её очень удивило: кому нужны эти пластмассовые зелёные тазики и ведра латвийского производства? Ими был завален весь Ленинград, хлопчатобумажные чулки, кальсоны, ситцевые детские платица, она знала, какие в Польше красивые вещи, но факт оставался фактом: эти товары разбирались на ура!

Единственное, что было плохо, так это то, что тазиков и ведер можно было брать не больше 20 шт. на человека, а то бы она и сто продала. Так и начались эти еженедельные поездки: каждые выходные в пятницу выезжали, а в воскресенье вечером обратно. Это оказалось очень выгодно, и поэтому Инна решила уволиться из садика и из домоуправления (тем более что дети ходили уже в школу) и вплотную заняться этим челночным бизнесом. И началась совсем другая жизнь!

Теперь она уезжала дня на четыре и товара брала больше, так как стала ездить с другой компанией и автобус их был не забит людьми, а на каждого было два места, сиденья раскладывались, и можно было спать как на кровати. Она очень подружилась с Натальей Ивановной, называла её теперь Наташа, и были они, как раньше говорили, товарками, то есть подругами по торговле.

Ночевали они в дешёвых гостиницах, правда, были и такие, кто из экономии оставался спать в автобусе, но подруги решили спать по-человечески: душ принять, спокойно покушать,

чаю согреть, в общем, нужно не только работать, но и отдыхать, а иначе приезжали домой, как говорится, без ног. С первой поездки на Инну положил глаз молодой водитель: то за капюшон её схватит, то прижмёт где возможно, то шоколадку и чай горячий ей на рынке принесёт, в общем, влюбился парень по полной, был он моложе Инны лет на шесть, и она принимала эти ухаживания немного настороженно.

Наташа подшучивала над ней:

– Ну вот, все глаз на Володю положили, а достаётся он тебе одной, нет справедливости на свете, нет!

– Да ну тебя, – отмахивалась Инна. – На шо он мне нужен, малолетка? Как узнает, что у меня дети, сразу свалит по-тихому.

Наташа смеялась и говорила весело:

– А мы тут как на войне: хоть один день, но наш!

Но, как говорят в Одессе, шутки – шутками, но могут быть и дети! Шутка!

Инна совершенно расслабилась и решила: «А будь что будет, женщине, во-первых, иногда нужен мужчина хотя бы для здоровья».

Володя всё настойчивее оказывал знаки внимания, дарил цветы, тем более что в Польше такие красивые букеты – там просто культ цветов.

Уже в то время поляки украшали букеты бабочками, кружевом под старину – очень красиво и мило для женской нежной души.

Кроме того, он всегда приносил ей горячий чай или кофе в прохладную погоду на рынок, помогал перенести товар, эти знаки внимания она особенно ценила.

И когда Володя пригласил её к себе в номер чаю попить, она не задумываясь приоделась, как могла в дороге, и, подмигнув Наташе, с лёгким сердцем переступила порог своего номера и с гордо поднятой головой без стука зашла в номер одинокого мужчины.

Володя встретил её радостной улыбкой, играла обволакивающая, как туман, музыка, стол был красиво накрыт кружевной скатертью, посередине важно стояла, поблёскивая матовыми боками элегантно чёрного стекла, открытая бутылочка красного вина. Гордая своей ценностью банка сияющей красной икры, ароматная сырокопчёная колбаска, нарезанная тонкими кружочками, и яркая коробочка конфет завершала этот джентльменский набор для обольщения прекрасного пола.

Володя пригласил её на танец, обнял, прижав крепче, чем следовало бы, и Инна поплыла в этом блаженстве, как лодочка, отпущенная ребёнком в водоворот весеннего ручья, а он закружил её, и она уже не понимала, где явь, а где сон и как оказалась в постели раздетой, она только принимала ласки, поняв, как она соскучилась по мужским рукам (до боли, до вскрика), и, задыхаясь от поцелуев, только шептала:

– Ещё, ещё...

«Ну и пусть, что молодой, – думала она, – я замуж за него не собираюсь, а так – к тёплому плечу прижаться, – это многого стоит для одинокой женщины». Инна часто вспоминала одну соседку с Украины – Зоську, которая говорила то ли в шутку, то ли всерьёз:

– Хоть на недельку, но пусть будет мой, мне тоже нужно за мужские штаны подержаться, пусть и чужие... – И когда кто-то из замужних женщин возмущался, она с хитрой улыбкой, по-доброму отвечала: – Дорогие хозяйшкы, не ругайте своих мужей, когда они ходят к нам, незамужним, в гости чайку попить, нам тоже иногда ласка нужна, а то мы будем злые и противные и вам настроение везде будем портить. В магазин ко мне придёте, а я злая – НЕУДО-ВЛЕТВОРЁННАЯ! Вам нахамлю и разозлю вас. А как же? Это по цепочке передаётся, а так я добрая, и вы добрые, и всем хорошо жить на белом свете. Это не тот случай, что мужика нужно жалеть, чай, не смылится!!!

Очередная жена криво улыбалась и уходила прочь, твердя проклятия себе под нос, вступать с Зоськой в перепалку – себе дороже обойдётся.

А Инна задумалась: а ведь и правда всем нужен мужчина, Зоська тоже права, а теперь, когда она стала тоже одинокой, ох как вспоминала Зоську.

А недавно прочитала в журнале стихотворение, посвящённое женщине-любовнице, и оно её поразило, вот высота отношений, хотя самой ей не хотелось оказаться в таком положении.

Я молюсь за тебя, мой любимый,
Чтобы было тебе хорошо,
Чтобы снежной порою морозной
Выходила жена на крыльцо.

Чтоб на кухне кипел уже чайник,
Ждал тебя разогретый обед,
Чтобы рюмочку вечером тихим
Выпил ты за свои сорок лет.

А мои окна смотрят и смотрят
На дорогу, что к дому ведёт.
Стол, накрытый парадной скатёркой.
Каждый вечер тебя тоже ждёт.

И когда вдалеке я увижу,
Ты идёшь на свидание ко мне,
Я стою за распахнутой дверью,
Счастьем светят глаза на лице.

Знаешь ты, я готова встречаться
Целый век, на минутку, на час.
И грущу, чтобы ты не заметил,
Что уходишь домой каждый раз.

Провожу тихо я, улыбаясь,
Пожелаю здоровья всем вслед.
Знаешь ты, я с тобой не прощаюсь,
Лишь бы ты приходил ко мне век..

Припев:

О Господи, прости меня.
Любовница я – не жена.
Любви мгновения лишь мои.
А за любовь ты... не казни.

Шло время, у Инны всё вошло в эту колею, и ничего не менялось, слава Богу, с Володей роман развивался, как ей казалось, в нужном направлении, он и в гости уже к ней приходил, и деткам понравился, правда, Раиса очень напряглась, когда он появился, испугалась, что Инна

выйдет за него замуж, переедет к нему на квартиру и останется она опять без семью. За эти годы она так привыкла к новой жизни и детям, что уже не представляла себе жизни без них.

И вот в один прекрасный вечер она спросила Инну:

– Инночка, а когда вы с Володей поженитесь, он тебе предложение ещё не сделал?

– Нет, – ответила Инна, – как-то ещё разговоров на эту тему не ведётся, да и знаем мы друг друга ещё не так много, полтора года – это не срок.

– Ну, это уже много, а он тебя к себе не приглашал?

– Нет, как-то я намекнула, а он сказал, что с ним сестра с ребёнком живёт и мама престарелая и я буду себя неловко чувствовать, они ревнивые, очень боятся, что он женится и оставит их без поддержки.

– А, хорошо, – успокоилась Раиса, а через минуту добавила: – Знай, что ты мне как дочь и квартиру свою я тебе оставлю, мне уже под восемьдесят, всех Господь забрал, а мне век долгий оставил, так что завещание на тебя напишу, знай.

Инна так растерялась, что покраснела и не знала, что ответить, это было невероятно!

Ещё никто в жизни не делал ей таких подарков, да по большому счёту никаких, и она молчала, как рыба, набравшая полный рот воды, и смотрела на Раису в полной растерянности.

– Инночка, ты что так растерялась, аль не рада? – услышала она голос Раисы Владимировна.

– Ну что вы, тётя Рая, я очень рада, только забесплатно я не могу, давайте я вам заплачу пока хоть половину рыночной стоимости, больше у меня пока нет, и вам, и мне хорошо будет, и совесть моя будет спокойна, хорошо?

– Хорошо, – ответила Раиса. – Мы ещё с тобой подумаем, как лучше, договорились?

– Договорились! – радостно воскликнула Инна и, обняв Раису Владимировну, поцеловала её в щёку. – Спасибо вам большое! Просто до небес!

Глава шестая

Через неделю пригласили нотариуса для составления завещания и оформления покупки квартиры. Раиса позвала Татьяну Афанасьевну в поддержку, она подумала: «Татьяна очень умная и опытная в таких делах, пусть рядом будет, чтобы всё было, как нужно по закону, а то нотариусы разные бывают».

Все пребывали в лёгком волнении, накрыли чайный стол, чтобы всё по-семейному празднично было, всё-таки такое событие. Инна очень волновалась, глаза её светились радостью,

«Неужели, – думала она. – Наконец-то закончатся мои мытарства, и я обрету твёрдую почву под ногами, а это спокойствие и уверенность в завтрашнем дне».

Она принарядила детей и сама надела праздничное платье, Раиса Петровна тоже была очень торжественна и спокойна.

Раздался звонок, пришла Татьяна Афанасьевна. Она была немного задумчива и серьёзна и сказала, присев на диван:

– Раиса, послушайте, что я вам сейчас скажу, вчера я весь вечер думала, правильно ли вы поступаете, что хотите завещать или продать квартиру сразу Инне, я понимаю ваш порыв, но в жизни бывает всякое, и иногда родные люди в силу некоторых обстоятельств вдруг становятся врагами и начинают портить жизнь друг другу.

– Да что вы, Татьяна Афанасьевна! – прервала вдруг плавную речь соседки Раиса. – О чём вы? Мы стали давно родными с Инночкой, она мне как дочь, и дети её – мои внуки, ну зачем вы так?

– Дослушайте меня, дорогая, я ничего плохого про вас сказать не могу, но недвижимостью есть недвижимость, и я считаю, что нужно подстраховаться, вы можете большую половину квартиры продать Инне за символическую плату, как вы хотите, а комнату оставьте себе пока и напишите на неё завещание, вот и всё, а когда придёт время и вы почувствуете, что всё, напишите дарственную Инне, и она всё получит. У вас же родственников больше нет, будьте благоразумны.

– Ну конечно, это только моё мнение, – поджав губы, проговорила Татьяна, – вы вольны поступать как вам угодно, – закончила она свою речь. – Хотя бы вспомните, как я потеряла свою дачу, и теперь, по моему недомыслию, мне некуда поехать отдохнуть за город, вы же помните мою историю, тоже думала: родные люди и прочее.

– Да, конечно, помню, – сказала, вздохнув, Раиса. – Может, вы и правы, Татьяна Афанасьевна.

В комнате повисла гнетущая тишина, Инночка испугалась этой тишины и сказала:

– Тётя Рая, я не знаю, в чём там дело с дачей, но, если так будет для вас безопасней, давайте сделаем, как Татьяна Афанасьевна предлагает, какая разница – что-то раньше, что-то позже можно переоформить. Живите сто лет, как же мы без вас?

– Ну ладненько, – ответила повеселевшая Раиса, ей неловко было перед Инной менять своё решение, но, так как Инна сама это предложила, с радостью согласилась, ей не хотелось и соседку огорчить, ну, так и порешили.

– Нотариус через час подойдёт, – сказала Татьяна, – давайте пока чайку попьём, и я вам, Инночка, расскажу, как я потеряла свою дачу.

Инна принесла чашки и всякую снедь к чаю, и разговор потёк плавным ручейком.

– Вы знаете, что у меня есть сын Юрий, так вот, он был женат на Галине, была она его старше на много лет, но она была женщина разумная, и жили они хорошо. А мне что: сын доволен, и я довольна, да и мне она подругой стала. Ну вот, когда они поженились, у меня была прекрасная дача в поселке Репино, её ещё родители мои построили. Мы с Юрой и с мамочкой прекрасно проводили там выходные дни, соседи были чудесные, устраивали пикники, ну,

в общем, подобралась дружная компания: и песни пели, и любили, и расставались, и купались на речке все вместе. Мне очень туда нравилось ездить, но, когда Юра и Галина поженились, Галя задала вопрос: «Зачем нам две дачи?» Так как у Галины была в Финском заливе большая двухэтажная дача. И, подумав, мы пришли к выводу, что она права, нужно мою дачу продать и купить новую машину Юре, и ещё деньги останутся, а переселиться на дачу Галины.

Мне было очень жаль расставаться со своей дачей, а главное, с друзьями, но Юра сказал, что будет меня туда возить в гости, и я согласилась, тем более что на новой даче у меня были шикарные апартаменты.

Ну что, сказано – сделано, дачу продали. Переехали со всем своим скарбом на новое место и стали его обживать. Постепенно на новой даче меня приняли в компанию соседи, и всё пошло своим чередом, как и на старой даче.

Но превратности судьбы подстерегают нас там, откуда мы никогда не ожидаем. Прошло восемь лет, и у Юры появилась другая женщина – Ольга, почти его ровесница, всего на три года постарше, она вскружила ему голову, и он, как говорится, загулял и решил расстаться с Галиной.

Галя была вне себя от горя, постарела как-то сразу и всё время звонила мне, чтобы я повлияла на Юрия, конечно, я могла, Юра с детства был очень послушным сыном, но у меня в душе появилась надежда: а вдруг новая жена родит мне внука или внучку, и поэтому я помалкивала.

И вот в один прекрасный день Юра сказал, что приведёт мне свою невесту для знакомства, а с Галей они подали на развод. Я сначала огорчилась, но потом подумала, что в конце концов он взрослый человек и почему я должна бояться Галины, и ответила ему: «Хорошо, приходите, я стол накрою, как положено, и вас приму».

В воскресенье они пожаловали, но только эта женщина переступила порог с гордо поднятой головой, с высокомерным взглядом ледяных глаз и заговорила со мной как с малахольной или выжившей из ума старухой.

Я поняла, что это не наш вариант – слишком властная. И если он на ней женится, я своего сыночка не увижу совсем. И к концу приёма открыто высказала, что я думаю, и сказала Юре: «Смотри, сынок, потеряешь своё благополучие и свободу в полной мере, а для чего? Детей она тебе всё равно не родит, у неё своих двое».

Они ушли недовольные, я посмотрела в окно, она что-то возмущённо ему высказывала, а он как всякий мужчина втянул голову в плечи и кивал согласно головой, как японский болванчик.

Галина никогда не повышала на него голос, никогда.

Ну всё равно мои слова упали на благодатную почву, это же мой сын, Ольга стала не решать Юрию видеться со мной, и он тайком приезжал навестить меня и всё время спешил, боясь огорчить свою избранницу. С Галиной они развелись, а с этой подали заявление в ЗАГС по её настоянию, так как Юра не хотел официально оформлять пока отношения, но Ольга требовала.

Я очень не хотела этого и, когда он приехал ко мне, стала снова с ним беседовать и разложила по полочкам его будущее так, что он испугался и задумался, и потом, он же не привык быть на побегушках, а тут приходилось. И вот прошло ещё две недели, до ЗАГСа осталось совсем немного времени, и он возвращается к Галине. Ура! Казалось, моя цель достигнута, но рано было радоваться. «Язык мой – враг мой!» – золотая пословица.

В воскресенье Галина пригласила меня к себе на дачу, так сказать, отпраздновать их воссоединение, до этого я не ездила, понимая неловкость ситуации. Накрыт был шикарный стол, пришли их общие друзья, вечер был чудесный, пели, танцевали. Ну всё, казалось бы, встало на круги своя, но тут я допустила непоправимую ошибку: что на уме у выпившей дамы, то и на языке. В душе я считала, что это благодаря мне Юрий вернулся к Галине, и мне, видимо,

захотелось благодарных слов от неё. Почти уже на пороге я сказала ей торжественно: «Галочка! А ведь это я уговорила Юру к тебе вернуться, потому что, когда он пришёл со своей Ольгой в гости, она мне страшно не понравилась, хотя я сделала всё по правилам, вместе с домработницей Виолеттой наготовила вкусностей, накрыла стол, но я увидела, что Юра не будет с ней счастлив, и уговорила его вернуться к тебе!»

Конечно, я, глупая, ждала благодарностей, что Галя меня обнимет и поблагодарит, но реакция была обратной, она покраснела от возмущения и разразилась в мой адрес гневной тирадой: «Вы принимали у себя эту проститутку?! И ещё угощали её деликатесами? Я-то думала, что Юра сам вернулся ко мне, а это вы его уговорили, мне он тоже такой не нужен! Я думала, что он из-за любви ко мне вернулся, а он просто послушный сынок, видеть вас больше не желаю никогда, вы для меня умерли», – и, зарыдав, ушла в дом, сильно хлопнув дверью, аж стены задрожали, вот так, Инночка, я своим языком лишила себя спокойствия и дачи.

Юра стал теперь всё реже ко мне приезжать, только по необходимости – и то втайне от Галины.

У Галины очень испортился характер с тех времён: во-первых, она потеряла доверие к мужу и уже начинала нервничать, если он хотя бы на десять минут опаздывал с работы, и каждый раз устраивала ему скандал, Юрий стал теперь всегда виноватым во всём и везде: и в плохом самочувствии жены, и во всех бедах, и даже в плохой погоде.

Галина стала держать его в ежовых рукавицах: шаг влево, шаг вправо – побег и расстрел.

Юрий очень переживал по этому поводу, в нём поселилось чувство вины, отношения с Галиной становились ему в тягость, теперь он узнал, что из-за его поступка у его жены стало больное сердце и развилось нервное заболевание, поэтому он старался ей ни в чём не перечить, а чувство вины подавляло его всё больше и больше, но он не мог уйти от больной жены, оставив её на погибель, терпел все её истерики и даже к маме ходить стал всё реже и реже, а если Галина заставляла его разговаривающим со мной по телефону, немедленно устраивался скандал. «А-а-а, ты опять с этой предательницей разговариваешь? – вырывалась из рук трубка и кидалась со стуком на рычаг, сама же оскорблённая супруга уходила в спальню, хлопая дверью, и через секунду оттуда раздавались рыдания, и Юрий, тяжело вздохнув, тащился туда с виноватым видом и просил прощения за всё на свете, что он сделал и не сделал.

А мне стал звонить только с работы, и я теперь не имела даже права позвонить ему домой.

Так прошло три года. Конечно, от всех этих переживаний у Галины случился инфаркт, и она скорострительно скончалась, Юра был в это время на работе, и вдруг в окно врезалась птица, то ли ворона, то ли галка, он не помнил, стекло разбилось, а птица, забрызгивая всё вокруг кровью, полетела было, набирая высоту, но вдруг закружилась на месте и, упав на газон, пронзительно вскрикнула и умерла.

Юрий стоял у окна и смотрел вниз, неясная тревога появилась у него, он верил по жизни в некоторые приметы, но такого у него не случалось, он, подумав, что это не к добру, кинулся звонить мне. Я была как раз дома, взяла трубку, он произнёс взволнованно: «Мама, как ты себя чувствуешь?» Я ответила: «Спасибо, хорошо, сыночек». – «Ну слава Богу!» – сказал он и положил трубку, ничего не объясняя.

А вечером, когда он приехал домой, обнаружил жену мёртвой. Ну потом похороны и прочие хлопоты заняли много времени, но вдруг на сороковой день, когда собрались все родственники в кафе, младшая сестра Галины, Тамара, подошла к нам и сказала: «Юра, я должна тебе сказать, что Галочка за месяц до смерти пригласила меня к себе и сказала, что составила дарственную на моё имя, на всё своё имущество, движимое и недвижимое, и, естественно, на своих племянниц».

Юра застыл на месте, лицо у него вытянулось, теперь он понял, почему вдруг Галина стала настойчиво просить, чтобы он переписал свою машину на неё, видимо, она чувствовала, что скоро её не станет, а он как дурак, чтобы доказать ей свою любовь, как сказала она, пошёл

и составил дарственную на неё, оказывается, она целенаправленно решила лишить его всего имущества, видимо, в наказание за всё, что он сделал.

Ну что тут поделаешь, дураков учат! Потом, позже, он встретил случайно лечащего врача Галины, он поздоровался с ней, она спросила: «Как поживает Галина?» Юрий ей рассказал, что случилось, и она ответила: «Ей нужно было срочно делать операцию на сердце, но она категорически отказалась, сказала: „Сколько положено, столько и проживу“. Жаль, что так, примите мои соболезнования», – и быстро ушла расстроенная.

Так мы остались без дачи и без машины, как вы знаете, купленной на деньги за дачу, – вот что значит смертельно обиженная женщина: кажется, простила, ан нет, ничего не простила. И не только не простила, но и отомстила!

Квартиры же Юра тоже лишился, они же тогда съехались, а Галя всё записала на себя, ну а Юрий на это даже внимания не обратил, кто бы мог подумать, теперь снимает жильё, со мной не захотел жить, ну, он взрослый мужчина, это понятно. Так и живёт один, может, конечно, кто у него и есть, но со мной не знакомит.

А если бы я не продала свою дачу, то и по сей день отдыхала бы в Репино, а в моём возрасте это так необходимо для здоровья, – завершила свой рассказ Татьяна.

В это время прозвенел звонок, пришла нотариус.

Татьяна Афанасьевна посчитала свою миссию выполненной и ушла к себе домой, совсем позабыв, зачем её пригласила Раиса Петровна.

Глава седьмая

Эти воспоминания всколыхнули былое, Татьяна Афанасьевна решила выпить рюмочку коньячку, как говорила её мамочка, – «для расширения сосудов».

Запить её чёрным горячим арабским кофе и послушать романсы Галины Каревой на старинном патефоне.

Иногда она устраивала себе такие одинокие посиделки, вспоминая молодость, в такие моменты ей казалось, что она молодела и телом, и душой, к ней возвращалось благостное настроение, а жизнь опять казалась прекрасной!

Вот и теперь слова романса полились ей в сердце: «Отвори потихоньку калитку и войди в дивный сад, ты – как тень, но только не забудь потемнее накидку, кружева на головку надень...»

И она, откинувшись в своём любимом кресле-качалке, вспоминала свой последний роман с молодым Георгием и молодела, молодела, молодела на глазах.

Как в этом романсе, она ждала его у своей калитки и встречала с объятиями и нежным шёпотом на ушко, обжигала его своими поцелуями, и они пропадали в тёмной беседке ночи напролёт.

Мамочка её тогда была ещё жива. Но она соблюдала статус-кво и никогда не напоминала о себе своим присутствием. Она понимала свою доченьку, женщине нужен мужчина, пусть не всегда, но иногда для хорошего настроения и самочувствия.

Роман длился целых пятнадцать лет, очень огорчая этим мать Гоши. Когда-то она думала, что это ненадолго, и не стала портить отношения с подругой, но жизнь распорядилась по-другому, несколько раз у Георгия появлялись молодые девушки, но он очень быстро с ними расставался.

Не было в них этой изюминки, которая была у Татьяны: бесшабашности в веселье, неудержимости в иссушающих ласках, так как женщина в возрасте каждый раз любит как в последний раз, у неё никогда не болит голова и не бывает плохого настроения.

На вопросы матери «Когда ей ждать внуков?» Гоша отшучивался:

– Мам, ну что ты опять? Молод я ещё, молод, ну какой из меня отец? Подожди, всё будет, жизнь, она длинная, – и опять возвращался к Татьяне, она принимала его как ни в чём не бывало, просто говорила:

– Заходи, рада тебе, – и шла в комнату, тем самым приглашая его в этот родной для него дом.

Но, как говорится, всё было бы хорошо, если бы...

Как-то ранней весной, в апреле, Татьяна с Георгием поехали на дачу, пошли прогуляться по берегу реки, лёд уже сошёл, и на берегу уже было сухо, но кое-где в ложбинках лежал ещё снег, они взяли с собой бутылочку шампанского и закуску, решили устроить небольшой пикник на свежем воздухе, понежиться на весеннем солнышке и послушать птичий хор. Татьяна очень любила такие минуты, когда можно было скрыться от всех с любимым человеком.

Она говорила Гоше:

– Дорогой, пойдём в лес погуляем, там будем только мы и природа! Ах, какое блаженство!

Всё было прекрасно, день близился уже концу, Татьяна устала и, подстелив плед, села посидеть на пригорке, но, когда солнышко совсем скрылось за холмом, она захотела встать и не смогла.

Георгий поднял её, но её скрючило буквой зю, и распрямиться она не могла, было очень больно! Пришлось им ехать в больницу, где был поставлен диагноз – радикулит.

Это было ужасно, пришлось остаться в больнице, Гоша совсем растерялся и не знал, что делать. Но Татьяна, собравшись с мыслями, сказала:

– Иди звони Юре, пусть всё соберёт мне для больницы, а ты езжай и привези.

Она составила список всего необходимого, Гоша уехал, а у Татьяны потекли слёзы от досады на себя, ну надо же, какая глупая, мама сто раз мне говорила: «Не садись весной на землю даже с одеялом, холодная она, от тебя тепло начнёт забирать, – и простудишься.»

Но, как говорится, умный учится на чужих ошибках, а беспечный – на своих!

У Татьяны началась двухлетняя эпопея по клиникам, но, что она ни делала, спина не прямлялась. И к платному профессору ездила не один раз, назначались всё новые процедуры, но ничего не помогало. Когда в очередной раз профессор сказал: «Нужно лечь в клинику на вытяжку, это новое лечение», – Татьяна разозлилась, но потом, подумав, решила: лягу ещё раз, в последний к нему, если опять не поможет, поеду к шаманам на север. Ей одна женщина дала адрес шамана, сказав, что её он вылечил, просто танцую с бубном вокруг, и всё прошло.

В первый день её пришёл навестить Гоша, он не оставлял её эти полтора года, любви уже никакой не было, Татьяне было не до неё, а вот дружба сохранилась. Гоша сидел, взяв её руку в свою, успокаивал её как мог.

Эта женщина была его первой настоящей любовью, а теперь он испытывал к ней искреннюю жалость, но ничем помочь не мог.

Уходя, он вдруг задержался на пороге и спросил то ли в шутку, то ли всерьёз:

– Ну что, муля, ты совсем развалилась?!

Татьяна сначала опешила от такого вопроса, но вдруг расхохоталась до слёз и ответила со смехом:

– Да, дорогой, я совсем развалилась!

– Ну тогда прощай! – грустно сказал Гоша и, не дождавшись ответа, исчез в проёме двери.

– Прощай, мой мальчик, – вздохнула Татьяна, – хотя уже не мальчик, а взрослый мужчина, иди, дорогой, счастья, здоровья тебе.

Больше они не встречались и не звонили друг другу, а зачем? Роман закончен!

Роман закончен, как печально.
Летают листья над тропой.
Ещё недавно я мечтала,
Что ты, мой друг, навеки мой.

А что теперь? Конец не шутка,
Вдруг сердце замерло, болит.
Ещё была у нас минутка
Слова любви возобновить.

Ещё шагов твой слышен шорох.
Ты очень медленно идёшь.
И каркает на крыше ворон
О той любви, что не вернёшь.
Обида в шутку превратилась.
А шутка всё порвала вмиг.
Ещё любовь в глазах искрилась,
Но звук шагов уже затих.

И что же делать, эти звуки
Ждала я, напрягая слух.
Считая тяжкие минуты,
Стояла затаив я дух.

Но ничего я не дождалась.
Растёрла слёзы по щекам.
Ушла любовь, какая жалость.
Теперь одна – и каждый сам...

Вспомнила Татьяна какие-то строчки на тему дня и, вздохнув, с печалью посмотрела вдаль, понимая, что вот они и пришли – старость и одиночество.

Татьяна приготовилась к очередной экзекуции, но тут вдруг профессора вызвали срочно в Москву на совещание, и он, передав Татьяну палатному врачу, улетел. Она хотела пока выписаться, не доверяя молодёжи, но сын уговорил её остаться, так как потом опять оформлять госпитализацию сложно, могут койку не дать сразу, желающих много. Он сказал:

– Мама, полечись у молодого врача, профессор, наверное, дал ему наставления, хорошо?

– Ладно, – ответила она, но на следующий день, когда врач зашёл в палату, сначала расстроилась, увидев, какой он молодой, и сделала безразличное лицо.

– Здравствуйте! – весело сказал доктор. – Как вы себя чувствуете?

– Ну что вам сказать? – ответила Татьяна. – Паршиво последние почти два года.

– Я ознакомился с вашей историей, хочу спросить: а блокаду вам пробовали делать?

– Нет, – ответила она, испугавшись незнакомого слова.

– Нет? Странно... Ну хорошо, я хочу отменить вам вытяжку позвоночника, процедура не из приятных и, по сути, малоэффективна, давайте я вам сделаю блокаду, обколю больное место, и, уверен, всё у вас пройдёт.

– Хорошо, – ответила пациентка, – делайте что хотите, мне уже всё равно.

– Ну что вы! – сказал врач. – Будет всё отлично, обещаю.

После обеда Татьяну привели в процедурный кабинет, врач сделал ей два укола и всё!

Через десять минут она выпрямилась и со слезами на глазах бросилась обнимать доктора. Это было невероятно. На следующий день её выписали. Врач, прощаясь с ней, сказал:

– Уважаемая Татьяна Афанасьевна, поздравляю вас, всё хорошо, только запомните на всю жизнь: никогда не садитесь на землю и никогда не мойтесь в ванной, только под душем! И ещё такая просьба. Я вам в карточку написал, что вам сделали вытяжку, так как мне были даны указания по вашему лечению и я их должен был выполнить. И ещё – что я выписал вас по вашей настоятельной просьбе, иначе мне будет плохо, вы поняли меня?

– Да, – удивлённо ответила Татьяна. – Только почему же он мне не сделал сразу эти уколы? – спросила она.

Врач, опустив глаза вниз, ответил:

– Этого я не знаю, всего вам доброго.

– До свидания, – тихо ответила Татьяна и счастливая ушла домой.

Она с тех пор не мылась в ванной много лет, но один раз ей подарили французскую пену для ванн, и она, подумав, как я любила раньше принимать пенные ванны, решила: а, была не была, столько лет уже прошло, уже, наверное, можно и в ванной полежать. Она, включив красивую музыку, зажгла свечи в ванной комнате, наполнила полную, благоухающую французской пеной ванну, налила себе бокал шампанского и погрузилась в это волшебство, испытывая полное блаженство. Целый час она пробыла в nirване, и... еле вылезла из ванны буквой зю, но она уже знала, что делать. Послала Виолетту за уколами, вызвала хирургическую медсестру, подарила ей французскую пену, она ей сделала уколы, и с тех пор Татьяна запретила себе вспоминать, что такое пенная ванна.

Через несколько лет ей позвонила Лариса, мать Гоши, она перестала общаться с Татьяной, когда сын расстался с ней, боялась, что их чувства могут вспыхнуть вновь и решила, что так будет лучше для её сына. Лариса немного помолчала в трубку и сказала:

– Татьяна, звоню тебе сообщить одну новость, мой сын женился, и вчера у него родилась дочка, моя внученька, вес – 3 500, рост 53 см, Гоша назвал её Татьяной, поздравляю тебя, дорогая. Это в твою честь! – и положила трубку.

У Татьяны даже дыхание перехватило, горячая волна прошла сквозь неё, как пустынный ветер, обжигая и возрождая.

«Это дыхание былой любви, – подумала она, и слёзы радости покатались по щекам. – Расти, моя тёзка, всем на радость, будь здорова и счастлива всегда!»

Ровно через год она обнаружила в почтовом ящике конверт, в нём фотографию, на которой сидел немного постаревший Георгий, он очень пристально смотрел на неё, а на руках у него сидела маленькая куколка – Танюша, которой исполнился один годик. С обратной стороны фото было подписано: «Помню и люблю!»

Татьяна вздохнула, подпись, как это ни печально, напомнила ей надписи на памятниках кладбища, но это в данном случае было символично. Поцеловав изображение, она вставила фото в красивую рамочку и поставила на прикроватную тумбочку, а вечером, ложась спать, поцеловала и Георгия, и Танюшку, сказав при этом:

– Помню и люблю! – и, засыпая, долго смотрела в любимые глаза.

А ночью ей приснился прекрасный сон.

Про любовь, которая не кончается никогда!

Отпускаю тебя, отпускаю,
На молекулы страсти дробя.
Отпускаю навечно, не знаю,
Буду жить как теперь без тебя?

Горе горькое рубит осину.
Палачом плач-молчания дрожит.
Отпуская, крещу тебе спину.
На прощание взгляд мой кричит.

В небесах расступаются тучи.
Громовержец метает свой гнев.
Называют судьбу невезучей.
Где найти в этом мире ковчег?

Отпускаю тебя, отпускаю,
На молекулы годы дробя.
Всё прощаю тебе, я прощаю.
Только как мне прожить без тебя?

Глава восьмая

Инночка собиралась в очередную поездку в Польшу почти на неделю.

Володя теперь подъезжал к её дому на автобусе и забирал её товар накануне поездки, а она приходила к отправлению автобуса как белый человек: налегке, спокойно и без суматохи. Володя поужинал с ними, но не остался посидеть, поговорить, автобус нужно было отогнать на охраняемую стоянку.

– До завтра, любимый, – сказала счастливая Инна.

Володя шепнул на ушко:

– До завтра, люблю тебя, – и побежал по ступеням вниз.

Инна смотрела вслед и думала, какая она счастливая.

– Тьфу-тьфу, – сказал внутренний голос.

– И нечего тьфукать, – ответила Инна. – Счастливая!

За эти годы они уже стали такими родными с Володей, она знала все его привычки и характер изучила досконально, он, конечно, был немного нервным, иногда вспыхивал, как костёр, и начинал что-то выговаривать ей резко, особенно когда на рынке ей начинал оказывать повышенное внимание какой-нибудь поляк, но она сразу успокаивала Володю:

– Ну что ты, что ты, дорогой, нервничаешь? Я же люблю только тебя, и я только твоя, ну перестань, это же просто покупатель.

– Ага, покупатель! – не унимался Владимир. – Я вижу, чего он покупать собрался, у порядочной женщины поляки по часу не стоят.

А Инна нежно отвечала с улыбкой:

– Ну успокойся, и по часу никто и не стоит, что же, им на украинскую жиночку и посмотреть нельзя?

– Нельзя! – резко отвечал Володя и уходил в автобус. – Я бы им всем морды набил, – хорохорился он, да в полицию сдадут, а за границей нельзя туда попадать, не выберешься.

Инна смотрела ласково ему вслед и говорила про себя:

– Иди, иди, ревнивец, сотрясай воздух.

Она боялась мужской ревности, помня первого мужа, но в душе ей было приятно. Уже прошло три года, как они условно вместе, но он почему-то не настаивал, чтобы жить одной семьёй, она понимала, что жилья нет, у неё одна комната, правда, большая, но дети, а у него сестра с ребёнком и мама, так что всё ясно.

Да и, по сути, они две недели в месяц жили вместе в поездке в одном номере, вот и было ощущение семьи, но материально он никогда ей не помогал, только на дни рождения подарочки мелкие дарил ей, детям и Раисе. «Ну что же, – успокаивала себя Инна, – я даже торговлей, наверно, больше зарабатываю, чем он, и у него мама и сестра с ребёнком на шее.

– Ладно, не будем про это думать: хорошо, пока хорошо, – сказала она себе и успокоилась. – Но будь по-другому, я, конечно, ребёночка бы ему родила, ребёнка своего у него нет, а жаль! Главное, что я счастливая, – опять напомнила она сама себе, успокаивая все доводы.

– Тьфу-тьфу-тьфу, – прошептал тихо внутренний голос,

– Да заткнись ты уже, – ответила ему машинально Инна и, улыбнувшись в зеркало, проходя мимо зеркальной витрины, сверкнула своими бирюзовыми глазами и, послав себе воздушный поцелуй, заспешила на работу.

У них с Наташей был теперь свой ларёк, они продавали в Польше свой нехитрый товар, а потом на вырученные деньги закупами польскую одежду, косметику и продавали в России, дела шли прекрасно, они стали по очереди ездить: почти неделю в месяц Инна колесила по рынкам Польши, а неделю с другой группой стала ездить Наташа. Так как нанятый продавец

попался на махинациях, они теперь по очереди работали в магазине на свою фирму. Тяжело-вато, а что поделаешь? Деньги так просто не даются.

На следующее утро Инна взяла такси и приехала на стоянку автобуса к девяти утра, все пассажиры уже были на месте, Инна приехала последней, Володя сидел уже за рулём автобуса и заполнял какие-то свои бумаги.

Он повернул голову, почувствовав взгляд Инночки, и, как обычно, при виде её вылез из-за руля, стал спускаться по ступенькам вниз, но вдруг застыл на месте и, попятившись назад, быстро закрыл двери автобуса.

Инна как раз махала на ходу ему рукой и что-то говорила. Она не обратила внимания на двух женщин и ребёнка, стоящих за углом соседнего дома, и, когда Володя захлопнул двери автобуса у неё перед носом, она опешила, но поняла, что он смотрел куда-то поверх её головы. Но не успела она развернуться и посмотреть, что происходит за её спиной, как кто-то вцепился ей сзади в волосы и стал пихать её коленями в спину, мотать её головой из стороны в сторону, вырывая ей волосы с криком:

– Ах ты, сука поганая, я тебе покажу, как чужих мужей соблазнять, я тебе патлы твои повырываю, я тебе, гадюка, глаза твои бесстыжие выколю, – и продолжал колотить её изо всех сил во все места.

От неожиданности и боли Инна растерялась и никак не могла вырваться из этих цепких лап, с трудом ей удалось на секунду поднять голову, посмотреть на Володю, он сидел за стеклом белый, но двери не открывал и не спешил к ней на помощь! Это было настолько ужасно для неё, потому что она не понимала, кто и за что её бьёт. Крик отчаянья вырвался из её груди, как будто кто-то резал ей сердце заживо, от этого крика в автобусе все как очнулись, и двое мужчин вскочили со своих мест, подбежали к водителю, сами нажали на кнопку двери и, выскочив из автобуса, принялись с матюками отдирать тётку, вцепившуюся в Инну, и в ту же секунду откуда-то выскочила другая пожилая тётка и стала с причитаниями кричать:

– Что ж вы проститутку защищаете?! Убить вас мало!

Но тут и женщины из автобуса высыпали гурьбой и оттеснили обидчиц.

Инна была вся в крови, клок волос висел на боку, вырванный заживо из кожи головы, кровь заливала ей лицо, кто-то вызвал милицию и скорую помощь, вскоре вой сирены отрезвил всех. Пожилая тётка, поставив руки в бока, кричала:

– Ах ты, сын, и паскудник, хорошо, соседка увидела, как ты, выродок, целуешь всяких сучек на улице, я тебе покажу, дома жена с ребёнком, а он сучек всяких мушлякает да деньгами за разврат снабжает. А эта бесстыжая, чтоб всё твоё племя передохло, ишь, губы раскатала, да я тебя в землю закопаю, сунься только ещё хоть раз к моему сыну, только сунься, всех прокляну до седьмого колена, кровавыми слезами будешь харкать и соплями, попомнишь ты меня, сука немытая!.. – Казалось, этот поток брани не кончится никогда. – Ишь! Дитя без отца захотела оставить, прибью суку и сына прибью!!!

В это время подъехала скорая, Инну завели в машину и увезли. Подъехала милиция, но тут Володя вылез из-за сидения, где он прятался, и пошёл спасать свою мать и жену, так как это была его семья и он врал Инне всё время, что одинок!

Люди стали требовать, чтобы жену его арестовали, так как она нанесла Инне тяжкие побои, но, узнав, в чём дело, милиционеры заскучали и, сказав: «Сами пусть разбираются, где чей муж, дело-то житейское», – быстро уехали.

Руководитель группы собрал всех у автобуса и спросил:

– Ну что, едем? Или отложим на завтра?

Но люди есть люди, своя рубашка ближе к телу, и они почти в один голос прокричали:

– Едем! Сами пусть разбираются, это дело не наше.

– Владимир, ты как? – спросил руководитель.

– Я за, – пряча глаза вниз, пробормотал водитель и пошёл садиться за руль.

Все быстро уселись, сказав хором:

– С Богом!

Автобус тронулся с места и быстро поехал по накатанной дороге, увозя с собой товар Инны и все её надежды на счастливое будущее.

Жена Володи погрозила ему кулаком на прощание, крикнув вслед: «Убью, гадина!!!» – выругалась матом и, сказав свекрови: «Пойдёмте, мама», – взяла за руку всхлипывающую напуганную дочь и потащила её к автомобилю, сама села за руль, и они спокойно поехали домой с чувством выполненного долга и правого дела.

Володя ехал по ночной трассе на довольно большой скорости, мелькали огни придорожных фонарей, слёзы заливали его глаза и текли, умывая щёки. Он периодически утирал их рукавом свитера, но они всё текли и текли. Володя никак не мог справиться со своим душевным волнением, ужас содеянного им поступка – не мужчины, а рохли – предстал сейчас перед ним во всей красе, и он понимал, что простить это невозможно.

Он потерял своё счастье навсегда, так как никогда не посмеет послушаться своей матери, которая имела на него какое-то магическое влияние с самого рождения, он ей подчинялся беспрекословно и всегда смотрел на неё как кролик на удава! Она его растила одна и контролировала каждый его шаг с детства, он привык и знал, что слово «мама» – не пустой звук, а самый важный закон, она его растила сама и женила сама, просто привела в один прекрасный день ему жену Надьку-крановщицу и сказала:

– Сын, вот тебе жена, живите дружно, детей рожайте и меня почитайте! Давай иди сюда, познакомься, обними и поцелуй свою жену, спать вместе сегодня ляжете, проверю, девка ли она, как утверждает, и, если девка, завтра в ЗАГС пойдём, всё ясно?!

И Володя, которому нравилась на работе совсем другая девушка, безропотно ответил:

– Да, мама!

– Ну, раз ясно, идите спать в твою комнату. Да простынь мне утром отдашь, понял аль нет?! – угрожающе спросила она.

– Да, мама! – ответил как робот Владимир и пошёл выполнять указание своей матери.

Отца он своего никогда не видел, а на его вопросы мать отвечала однозначно:

– На что он тебе сдался? Нет его и не будет никогда, помер он, тебя такой ответ устраивает?

– Да, мама! – отвечал Володя и больше не смел спрашивать ни о чём, хотя ему очень хотелось узнать об отце хоть самую малость.

В школе он учился хорошо и хотел поступить в военное училище, но мать даже от армии его откосила и учиться не позволила дальше.

– Иди работай, водители везде нужны, я тебя кормить больше не собираюсь, настало время, ты мой сын, и теперь ты должен меня кормить, понятно?

– Да, мама! – ответил безропотно Володя и ушёл в свою комнату, поняв, что ни в армию, ни в училище он никогда не попадёт, а будет крутить баранку автомобиля всю жизнь, на этом и успокоился.

Невеста оказалась девственницей, и через неделю состоялась свадьба, на которой было пять человек: родители невесты, невеста, Володя и его мать, посидели дома у них, поели, выпили и пошли спать, платья и фаты у невесты не было, так как решили, раз они уже переспали, нечего и деньги тратить. Кольцо купили только невесте, так как водителю по технике безопасности нельзя носить обручальное кольцо, что Володю очень устраивало.

Вскоре невеста оказалась беременной, и Володя понял, что никогда и ни за что он не расстанется с этой тёткой, как он про себя называл жену, потому что с первой минуты проникся такой нежностью к своей доченьке Тонечке, что знал: её он ни за что не покинет. Он отдавал ей всю свою нерастраченную любовь, и дочка тоже нежно любила и жалела отца, а больше его в этой жизни никто не жалел.

И сейчас, оказавшись в такой ситуации, когда он полюбил, он не мог заступиться за Инну, потому что тогда бы его разлучили навсегда с Тонечкой, а этого он бы не пережил.

Ему хотелось врезаться в какую-нибудь гранитную стену, чтобы сразу и навсегда пропасть из этого ужасного для него мира, но он знал, что никогда так не сделает из-за своего ребёнка, никогда!

Перед ним извивалась ночная дорога, освещенная жёлтыми глазами фонарей, а он твердил про себя как заклинание, чувствуя себя самым ничтожным человеком на земле:

– Прощай, любимая моя, прощай и прости, если сможешь. Прощай, любимая, прощай!

Инночка пребывала в полном ощущении какого-то беспроглядного ужаса! Что с ней такое случилось, она не понимала, как это и за что её так унизили? А главное, поведение любимого не поддавалось никакому анализу.

Что это было? Этого человека она не знала, это какой-то перерожденец закрыл перед ней двери автобуса, не захотел её спасти от своей, как оказалось, жены,

– Подлый врун и трус, трус, трус, – твердила она без остановки, – лгун и трус! Разрази его гром! Имея семью, позволял себе столько лет обманывать и обнадеживать женщину на счастье, взяв всё у неё: любовь, нежность, доверие, ласку. И не дал ничего взамен, имя ему – ничтожество низкое и коварное! – твердила она без остановки.

Ей нужно было выговориться, она была так избита, что лицо было синее, и спина, и руки, и ноги, что не знала, как появится домой, когда её выпишут, она позвонила Наташе, та примчалась как скорая помощь, ахала и причитала вокруг неё, возмущалась поведению Володи, но ничего поделать не могла, не могла – и всё тут!

Инна просто не знала, как дальше жить, всё рухнуло: и бизнес, и любовь, да и просто вся жизнь!

А самое главное, он просто растоптал её душу, она плакала кровью, и перекрывалось дыхание, ей временами казалось, что сердце сейчас, вот сию минуту, перестанет стучать и умрёт вместе с её душой...

Моя душа – как кукла из фарфора.
Вы карандашиком, она звенит.
Когда прижали, глухо она стонет.
Вы завели – танцуя, говорит.

Когда подвесите её на нитках,
Марионеткой станет, всё твердя:
– Не дёргайте, пожалуйста, так больно.
Я из фарфора, очень я хрупка.

Будь осторожен, сердце из фарфора
Не соберёшь, не склеишь никогда.
И разлетятся по миру осколки.
И крик повиснет, словно пелена.

А если с нежностью её на руки,
Погладите с любовью, не шутя.
Она ответит трепетно и сразу
И зазвенит: «Я ваша навсегда!!!»

Моя... душа!!!

Глава девятая

На следующий день Инна вернулась домой, она не могла больше лежать в больнице.

Слава Богу, серьёзных травм не было, в основном ушибы разной степени тяжести, ну а синяки она решила дома полечить бодягой, когда бывший муж избивал её, бодяга очень хорошо помогала. Раисе и детям она сказала, что автобус попал в аварию, и поэтому она вернулась домой.

Раиса охнула, схватилась за сердце, увидев Инну и присев на табурет в прихожей, воскликнула:

– Господи! Что с тобой?

– Авария, не волнуйтесь, ничего серьезного нет, а синяки пройдут.

– А как Володя, он же впереди, не пострадал?

– Нет, – усмехнувшись, ответила Инна, – с ним всё в порядке, его двери защитили.

– Как двери? – удивилась Раиса.

– Да вот так, он за ними спрятался, они его и защитили, а то бы тоже в синяках был, – зло ответила Инна и попросила: – Тётя Рая, давайте не будем говорить об этом, мне неприятно вспоминать.

– Хорошо, хорошо, прости, дорогая, что-то я не подумала об этом, но всё равно УЖАС!

– Что поделаешь, буду лечиться, неделю придётся дома посидеть.

– Конечно, Инночка, лежи, отдохни, сделать тебе ванну, у тебя сотрясения нет, надеюсь?

– Есть в лёгкой степени тяжести, – ответила Инна с иронией. – Но и это пройдёт, вот таблетки дали, а то тошнило немного вчера, а сегодня уже нормально.

– Тогда только душ! – хлопотала Раиса. – Иди, детка, в ванну, помощь нужна?

– Нет, спасибо, думаю, сама справлюсь, я потихоньку, а если что, позову.

– Ну хорошо, – покачав сокрушённо головой, сказала Раиса и пошла разогревать ужин.

Инна зашла в ванну, разделась, встала перед зеркалом и стала рассматривать синяки на теле, в больнице этой возможности не было, сзади, конечно, был ужас, ноги внизу были просто бордово-лилового цвета, руки тоже, лицо, а на голове выдран клочок волос. Инна охнула про себя, увидев истинную картину последствий своей любви, но не расплакалась, слёзы все вышли вчера, а сегодня она надела броню на свою душу и воспринимала всё как будто со стороны: вроде бы это не с ней, а с кем-то произошло. И сказала вслух:

– Успокоилась, дорогая, вот и хорошо, лечимся – и опять вперёд, живём хорошо и весело, и это пройдёт!

С этой минуты Инна вела себя как робот, делала что нужно и не отвлекалась на сопли, она опять взяла себя в руки, как при побеге из дома, и, как в строю в армии, выполняла команды беспрекословно, которые посылала сама себе.

И всё пошло хорошо, со всеми проблемами она справилась, через неделю стояла уже на рынке, продавала товар, улыбалась покупателям, смеялась их шуткам, а внутри был лёд.

О Володе она сама себе запретила думать, умер человек – и всё, и она его похоронила, даже пошла в храм и свечу за упокой поставила. Всё, умер он для меня!

Володя признаков жизни не подавал, ни разу не позвонил, не приходил, не пытался её увидеть. Он продал весь товар Инны, что остался в автобусе, но не знал, как ей отдать деньги, но, подумав так и сяк, решил отнести их Татьяне Афанасьевне, так как к Раисе он боялся идти, был уверен, что Инна ей всё рассказала, а стыд настолько мучил его, что он просто сгорал изнутри ярким пламенем.

Инна не зря поставила свечу за упокой, потому что он и душа его были и правда мертвы!

Где-то через две недели он собрался с духом и чуть не по-пластунски вполз в подъезд к Инне, поднялся быстро на этаж и позвонил в двери к Татьяне Афанасьевне.

– Иду, иду-у-у! – раздался мелодичный голос за дверью, и вскоре открылся глазок, и он услышал удивлённый возглас: – А, это вы, Володя?.. – И дверь распахнулась. – Заходите, – сказала она, – а что Инночки нет дома?

– Никого нет, – быстро ответил он. – Татьяна Афанасьевна, извините, мне очень некогда, я спешу на рейс, передайте Инне её деньги, а то я не хочу с ними в поездку отправляться, это за её товар, оставшийся в автобусе, хорошо?

– Хорошо, – ответила Татьяна. Она немного удивилась, но спрашивать в силу своей интеллигентности не стала. – Передам, конечно, не волнуйтесь, Володя. А что Инне передать ещё – на словах?

– Да ничего не нужно, спасибо вам, прощайте, – сказал он торопливо, просто выбежал из квартиры и скатился с шумом вниз по лестнице.

«Что-то тут не так, – подумала Татьяна Афанасьевна, но вдруг услышала внутри себя голос мамочки: – Не твоё дело!»

– Да, действительно не моё, – ответила она и пошла, напевая, досматривать кино по телевизору.

Наташа с Инной сидели вечером в ларьке, подсчитывали выручку за месяц и решали главный вопрос: чем они теперь будут заниматься?

Инна прекратила поездки в Польшу, ей теперь там всё претило, она просто психологически боялась встречи с Владимиром и ни за что не хотела туда ехать даже с другим маршрутом.

Она для себя решила: «Займусь чем-нибудь другим».

Наташа была удивлена этому решению, ей не хотелось оставаться одной в бизнесе, она побаивалась, с Инной было надёжней, у неё характер был более твёрдый, и потом, она как-то умела договариваться со всеми, а Наташа была на подхвате, как бы за ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.